DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/novysbornikrevol01lavr

Изданіе Группы Народовольцевъ

НОВЫЙ СБОРНИКЪ

РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ПѢСЕНЪ

И

СТИХОТВОРЕНІЙ

Цѣна 1 фр.

PARIS
IMPRIMERIE J. ALLEMANE
51, rue Saint-Sauveur, 51

1899

Изданіе Группы Народовольцев

НОВЫЙ СБОРНИКЪ
РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ПѢСЕНЪ
И
СТИХОТВОРЕНІЙ

PARIS
IMPRIMERIE J. ALLEMANE
51, rue Saint-Sauveur, 51

1898

291.713
Y945

НОВАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ «Впередъ!»)

Отречемся отъ стараго міра!
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ!
Намъ враждебны златые кумиры;
Ненавистенъ намъ царскій чертогъ.
Мы пойдемъ въ ряды страждущихъ братій,
Мы къ голодному люду пойдемъ;
Съ нимъ поплемъ мы злодѣямъ проклятья,
На борьбу мы его позовемъ:

Вставай, подымайся, рабочій народъ!
Вставай на враговъ, братъ голодный!
Раздайся, крикъ мести народной!
Впередъ!

* * *

Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищаютъ тяжелый твой трудъ.
Твоимъ потомъ жирѣютъ обжоры;
Твой послѣдній кусокъ они рвутъ.
Голодай, чтобъ они пировали,
Голодай, чтобъ въ игрѣ биржевой
Они совѣсть и честь продавали,
Чтобъ ругались они надъ тобой!

Вставай, подымайся, рабочій народъ!
Вставай на враговъ, братъ голодный!
Раздайся, крикъ мести народной!
Впередъ!

* * *

Тебѣ отдыхъ—одна лишь могила!
Каждый день—недоимку готовь;
Царь—вампиръ изъ тебя тянетъ жилы;
Царь—вампиръ пьетъ народную кровь!
Ему нужны для войска солдаты:
Подавай же сюда сыновей!
Ему нужны пиры да палаты:
Подавай ему крови твоей!

Вставай, подымайся, рабочій народъ
Вставай на враговъ, братъ голодный!
Раздайся, крикъ мести народной!
Впередъ!

* * *

Не довольно ли вѣчнаго горя?
Встанемъ, братья, повсюду заразъ!
Отъ Днѣпра и до Бѣлаго моря,
И Поволжье и дальній Кавказъ!
На воровъ, на собакъ—на богатыхъ!
Да на злого вампира—царя.
Бей, губи ихъ, злодѣевъ проклятыхъ!
Засвѣтись, лучшей жизни заря!

Вставай, подымайся, рабочій народъ!
Вставай, на враговъ, братъ голодный!
Раздайся, крикъ мести народной!
Впередъ!

И взойдетъ за кровавой зарею
Солнце правды и братства людей.
Купимъ миръ мы послѣдней борьбою;
Купимъ кровью мы счастье дѣтей.
И настанетъ година свободы,
Сгинетъ ложь, сгинетъ зло навсегда,
И сольются въ едино народы
Въ вольномъ царствѣ святого труда....

Вставай, подымайся, рабочій народъ!
Вставай на враговъ, братъ голодный!
Раздайся, крикъ мести народной!
Впередъ!

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ

(Замученному въ острогѣ Чернышеву, борцу за народное дѣло.)

(Изъ «Впередъ!»)

Замученный тяжкой неволей,
Ты славною смертью почилъ....
Въ борьбѣ за народное дѣло
Ты голову честно сложилъ....

* * *

Служилъ ты недолго, — но честно
Для блага родимой земли....
И мы, — твои братья по дѣлу, —
Тебя на кладбище снесли....

* * *

Нашъ врагъ надъ тобой не глумился...
Кругомъ тебя были — свои....
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиныя очи твои....

* * *

Не горе намъ душу давило, —
Не слезы блистали въ очахъ,
Когда мы, прощаясь съ тобою,
Землей засыпали твой прахъ; —

Нѣтъ, злоба насъ только душила!
Мы къ битвѣ съ врагами рвались
И мстить за тебя безпощадно
Надъ прахомъ твоимъ поклялись.

* * *

Съ тобою одна намъ дорога:
Какъ ты, мы въ острогахъ сгніемъ...
Какъ ты, — для народнаго дѣла
Мы головы наши снесемъ;

* * *

Какъ ты.—мы, быть можетъ, послужимъ
Лишь почвой для новыхъ людей,
Лишь грознымъ пророчествомъ новыхъ
Грядущихъ и доблестныхъ дней...

* * *

Но знаемъ, какъ зналъ ты, родимый,
Что скоро изъ нашихъ костей
Подымется мститель суровый.
И будетъ онъ насъ посильнѣй...

ВЪ ПАМЯТЬ ИЮНЬСКИХЪ ДНЕЙ 48-го ГОДА

(Изъ «Впередъ»)

Нѣту работы.... Семья голодаетъ....
Двое малютокъ припали къ отцу.
Рвутъ на немъ платье, ѣсть просятъ, рыдаютъ...,
Мать на нихъ молча глядитъ и страдаетъ....
„Полноте, дѣти. — отецъ утѣшаетъ—
Наши страданья приходятъ къ концу:
Хлѣба намъ или свинцу
Завтра республика дать обѣщаетъ...."

***

Сдвинуты брови, и скрещены руки
На молодецкой, широкой груди.
Люди по улицамъ идутъ, и звуки
Пѣсни ихъ грозной исполнены муки
„Завтра раздастся здѣсь громъ боевой;
Знайте же, братья: васъ ждетъ впереди
Хлѣбъ на столѣ или пуля въ груди
Послѣ борьбы роковой.

Знамя надъ грудою камней развивается...
Строитъ народъ баррикаду....
Завтра онъ здѣсь умирать собирается.
Здѣсь для свободы алтарь воздвигается;
Здѣсь новой жизни заря загорается,
Людямъ грядущимъ въ урокъ:
Будетъ героямъ награда
Пуля иль хлѣба кусокъ!..

***

Тѣни ночныя спустились надъ зданьями.
Полонъ рѣшимости мрачный народъ:
Завтра онъ кончитъ съ своими страданьями.
Полный надеждами и ожиданьями,
Жаждою полный борьбы,
Цѣлую ночь онъ очей не сомкнетъ:
Завтра онъ хлѣбъ или пулю возьметъ
Съ бою у грозной судьбы...

АПОСТОЛЪ

(Изъ «Впередъ!»)

Когда желѣзною рукой
Насъ власти гнетъ повсюду давитъ,
Когда безумный произволъ
Измученнымъ народомъ правитъ,
Когда никто во всей странѣ
Отъ страха устъ раскрыть не смѣетъ,
И силы лучшія людей
Въ дремотѣ тяжкой цѣпенѣютъ, —
Среди страданій и оковъ
Порабощеннаго народа
Иди по селамъ, городамъ,
Кричи: «да здравствуетъ свобода!»

Гдѣ человѣка человѣкъ
Скотиной вьючною считаетъ,
Гдѣ все предъ денежнымъ мѣшкомъ
Колѣни трепетно склоняетъ,
Гдѣ честь и женская любовь,
И человѣка трудъ свободный—
Все покупается съ торговъ,
Гдѣ презираемый, голодный,
Работникъ жизнь свою клянетъ,—
Пусть тамъ твое живое слово
Къ борьбѣ со зломъ и къ жизни новой
Народъ молчащій воззоветъ.

Гдѣ сильный слабаго тѣснитъ,
Гдѣ деньги право замѣняютъ,

Гдѣ вѣюду наглый паразитъ
Народъ безсильный истощаетъ,
Гдѣ человѣка топчутъ въ грязь,
Гдѣ палачи, страны судьбами
Владѣя, нагло душатъ всѣхъ
Своими грязными руками,—
Туда иди на славный бой
Во имя правды и свободы.
Туда иди! буди людей!
Зови къ оружію народы!

Не ты виной, когда въ бою
Кровь неповинная прольется;
Безъ жертвъ, безъ крови, безъ борьбы
Народамъ счастье не дается.
Не ты безжалостной рукой
Народа грабилъ достоянье;
Не ты отдалъ его судьбу
Своимъ льстецамъ на поруганье;
Не ты, когда страдалъ народъ,
Въ чертогахъ пышныхъ веселился;
Не ты виной, что онъ за ножъ
Теперь въ отчаяньи схватился.

Иди и не слабѣй въ борьбѣ!
Пусть рѣчь твоя не умолкаетъ!
Пусть будитъ дремлющихъ она,
Изъ гроба мертвыхъ поднимаетъ!
Когда же, къ радости враговъ,
Ты попадешься власти въ руки,
Не поблѣднѣешь ты предъ ней,
Въ оковахъ, обреченъ на муки.
И если радостный палачъ
Тебя, съ улыбкой безсердечной,
Нахально спроситъ: „Чья взяла?“ —
Отвѣть: „Моя взяла, конечно!“

ИСКАНДЕРУ. (Герцену)

(1858 годъ)

Когда я былъ отрокомъ тихимъ и нѣжнымъ,
Когда я былъ юношей страстно-мятежнымъ,
И въ возрастѣ зрѣломъ, со старостью смежнымъ,—
Всю жизнь мнѣ снова, и снова, и снова
Звучало одно неизмѣнное слово:
Свобода! свобода!

* * *

Измученный рабствомъ и духомъ унылый
Покинулъ я край мой родимый и милый,
Чтобъ было мнѣ можно, на сколько есть силы,
Съ чужбины до самаго края родного
Взывать громогласно завѣтное слово:
Свобода! свобода!

* * *

И вотъ на чужбинѣ, въ тиши полунощной,
Мнѣ издали голосъ послышался мощный...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мракъ безпомощный
Сквозь всѣ завыванія вѣтра ночного,
Мнѣ слышится съ родины юное слово:
Свобода! свобода!

И сердце, такъ дружное съ горькимъ сомнѣньемъ,
Какъ птица изъ клѣтки, простясь съ заточеньемъ,
Взыграло впервые отраднымъ біеньемъ,
И какъ то торжественно, весело, ново
Звучитъ теперь съ дѣтства знакомое слово:
Свобода! свобода!

***

И все то мнѣ грезится—снѣгъ и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И онъ говоритъ мнѣ, снимая оковы,
Мое неизмѣнное, вѣчное слово:
Свобода! свобода!

***

Но еслибъ грозила бѣда и невзгода
И рукъ для борьбы захотѣла свобода,—
Сейчасъ полечу на защиту народа!
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово,
Свобода! свобода!

***

А еслибъ пришлось умереть на чужбинѣ,
Умру я съ надеждой и вѣрою нынѣ;
Но въ мигъ передсмертный,—въ спокойной кручинѣ
Не дай мнѣ остынуть безъ звука святого,
Товарищъ, шепни мнѣ послѣднее слово,
Свобода! Свобода!

Н. ОГАРЕВЪ.

НОВАЯ ТЮРЬМА.

(Изъ „Впередъ!“

Прохожій.

Строится, вижу, здѣсь что-то такое:
Зданіе, кажется, будетъ большое..
Что ты здѣсь строишь? Казармы? Дворецъ?
Знать любопытно: скажи, молодецъ!..

Каменьщикъ.

Правда, работы здѣсь будетъ не мало.
Трудное время, братъ нынче настало.
Слышь, заропталъ нашъ рабочій народъ
Полно работать ему на господъ!
Видно, не стало ужь дольше терпѣнья,
Молча сносить всѣ неправды, мученья,
Вѣчно трудиться для праздныхъ гулякъ...
Думу задумалъ крестьянинъ — вахлакъ.
Хочетъ онъ самъ добывать свою долю:
Ходятъ все слухи про новую волю....
Вотъ и пошелъ, что-ль, указъ отъ властей

Страху нагнать на строптивыхъ людей.
Всѣхъ, кто стоитъ за народъ нашъ голодный.
Жалуетъ царь тюрьмой новомодной!
Каторга мало, знать, стало ему:
Выдумалъ новую, злую тюрьму.
Важная штука—могилушка эта.
Въ ней не увидишь и божьяго свѣта:
Стоны, рыданья лишь гуломъ пройдутъ;
Заживо мертвымъ тебя погребутъ...
Такъ-то, земляки: не дворецъ, не палаты —
Строимъ живому мы гробъ здѣсь проклятый.
Каменный гробъ для свободы людей.
Каменный гробъ для народныхъ друзей.
А велика: знать, не мало народу
Стало теперь за святую свободу...
Былъ здѣсь самъ царь и молебенъ служилъ.
Самъ первый камень тюрьмы заложилъ.
Богу потомъ на колѣнкахъ молился.
Я поглядѣлъ.... и душою смутился...
Вишь, кровопійцы: людей-то морятъ.
Сами о Богѣ, любви говорятъ...
А какъ подумаешь, мы то что сами.
Строимъ тюрьму мы своими руками.
Строимъ тюрьму для себя для самихъ.
Да для народныхъ друзей дорогихъ...
Горькая думъ! болитъ ретивое.
Время то тяжкое вышло такое...
Эхъ, братъ заѣла злодѣйка нужда...

Прохожій.

Полно тужить, молодецъ: не бѣда.
Видимо стало: не долго намъ маяться!
Скоро придется всѣмъ хищникамъ каяться
Скоро здѣсь буря вездѣ зареветъ:
Скоро возстанетъ рабочій народъ.

Дрогнутъ враги его, страхомъ объятые:
Рухнутъ предъ нимъ эти зданья проклятыя:
Тюрьмы, казармы, суды и дворцы....
Съ гордыхъ царей онъ сорветъ ихъ вѣнцы...
Брось же, товарищъ, печаль и заботу:
Скоро намъ будетъ иная работа....

Каменьщикъ.

Слово ты, братъ, не пустое сказалъ;
Я ужъ давненько его поджидалъ!
Больно ужъ много народу страданья;
Все не приходитъ нашъ часъ воздаянья!
Пусть онъ ударитъ: мы вмѣстѣ пойдемъ
Правду святую добыть топоромъ!

НА СМЕРТЬ Н. М. КОВАЛЬСКАГО.

(Изъ «Земли и Воли» № 2)

Снова бой неравный съ дикой силой....
Жертвой палъ еще одинъ герой.
Надъ его безвременной могилой
На врага сомкнется ль грозный строй?

* * *

Всѣ ль пойдемъ подъ знамя правой мести?
Иль на камень брошено зерно?
Нѣтъ! На нивѣ вольности и чести
Плодъ желанный принесетъ оно.

* * *

Жалкій страхъ не породитъ измѣну.
Пусть борьба не равна и трудна:
Ужъ намъ идутъ бойцы на смѣну —
И побѣда наша рѣшена!

ТЮРЕМНЫЯ ВИДѢНІЯ.

(Посвящается Ольгѣ Любатовичъ.)

I

Разъ въ башнѣ тюремной больной я лежалъ.
Тоска мою грудь надрывала.
Въ окошко порывистый вѣтеръ стучалъ,
И лампочка слабо мерцала.
Въ комнатку сквозь тучи свѣтила луна,
Рѣшетку ея озаряя,
Болѣзненно, блѣдно глядѣла она,
Какъ смотритъ дитя умирая.
Той темною ночью все видѣлись мнѣ
Унылыя жизни картины:
Я думалъ о волѣ, родной сторонѣ,
Мнѣ грезились нивы, равнины
И бѣдныя хижины съ бѣдной землей,
Песчаной, сухой и безплодной...
И много картинъ тѣхъ прошло предо мной
Въ тотъ вечеръ сырой и холодный.

II

Казалось, иду я тернистымъ путемъ
Одинъ по обрыву крутому;
Терновникъ мнѣ въ платье вцѣпился кругомъ,
И трудно идти мнѣ, больному.
Вездѣ непроглядною, черною мглой
Степная равнина одѣта.
И мрачно, и душно въ пустынѣ глухой,
И нѣтъ въ ней ни жизни, ни свѣта...
Тамъ только, какъ смутныя тѣни, стоятъ
Какіе то робкіе люди:
Глаза ихъ потухшіе въ землю глядятъ
И впали изсохшія груди.
Темно, непривѣтно въ глухой сторонѣ,
Молчитъ все въ природѣ глубоко;
И только, я слышу, въ ночной тишинѣ
Ихъ пѣсня звучитъ одиноко:
„Таится болѣзненно въ бѣдномъ умѣ
„Сознанье тяжелой неволи...
„Весь вѣкъ свой мы прожили въ рабствѣ и тьмѣ,
„Не видѣвъ ни счастья, ни воли.
„Подъ вѣчнымъ трудомъ мы клонились безъ силъ
„Безъ хлѣба и крова мы жили,
„Насъ вѣтеръ зимой въ непогоду знобилъ,
„Оковы и цѣпи давили.
„Мы жили въ безплодныхъ и дикихъ степяхъ,
„Въ безвѣстной глуши умирали,
„И часто въ подземныхъ, сырыхъ рудникахъ
„Напрасно мы смерть призывали.
„Вся жизнь наша долгой отравой была,
„Рядъ бѣдствій, страданій и муки;
„Ничтожныя противъ гнетущаго зла,

„Безъ силъ опускаются руки!“...
И пѣсня тоски безконечной полна,
Звучитъ и въ дали замираетъ...
Но все безучастно... Кругомъ тишина.
И мракъ свой покровъ не снимаетъ.
Не выглянетъ небо межъ тучъ полосой,
Блеснувши свѣтилъ хороводомъ,
И вѣтеръ не дунетъ живящей струей
Надъ темнымъ, забитымъ народомъ.

III

Мой путь заростаетъ сильнѣй и сильнѣй...
Туманъ точно саванъ ложится...
Усталый иду я по грудамъ камней,
И умъ мой болитъ и мутится...
Я вижу: Царь-Колоколъ правитъ землей,
Предъ нимъ все живущее гнется...
Онъ громко гудитъ надъ народной толпой,
Тотъ гулъ далеко раздается:
„Проклятый на вѣки всевышнимъ отцомъ,
„И съ сердцемъ, грѣхомъ омраченнымъ,
„Ты долженъ быть вѣчнымъ, покорнымъ рабомъ,
„Служить для другихъ осужденнымъ.
„Ты долженъ смириться душой навсегда,
„Обиды сносить молчаливо.
„Страдать подъ ярмомъ вѣкового труда
„И крестъ свой нести терпѣливо.
„Люби свои цѣпи, неволю люби,
„Томись безотрадной заботой,
„Смиряй свою душу и тѣло губи,
„И вѣчно работай, работай!
„Гони наслажденья, трудись въ тишинѣ,—
„Ты темнымъ родился и грѣшнымъ!—
„Иль будешь ты проклятъ, и въ адскомъ огнѣ
„Погибнешь во мракѣ кромѣшномъ!“

И тучею черной на гулъ тотъ идутъ
Попы и монахи тупые,
Высоко хоругви и чаши несутъ
Служители мрака слѣпые.
И тихо проходятъ они по лугамъ,
По нивамъ, полямъ, съ образами,
По хижинамъ бѣднымъ, большимъ городамъ,
По дальнимъ деревнямъ—съ крестами;
И гдѣ ни пройдутъ,—всюду мракъ надъ страной
Ложится, какъ саванъ суровый,
И давитъ онъ мысль человѣка собой,
Какъ крышкою гроба свинцовой....

IV

Все камни, овраги.... Какъ долгъ мой путь!
Все дальше и дальше онъ вьется...
И негдѣ пристать, и нельзя отдохнуть....
Чу!.. Грохотъ навстрѣчу несется....
Я вижу: Царь-Пушка во мракѣ густомъ
Грохочетъ, губя что ни встрѣтитъ,
И свѣтомъ багровымъ на небѣ ночномъ
Кровавое зарево свѣтитъ.
Надъ лужами крови, надъ мерзлой землей,
Надъ грудами ядеръ разбитыхъ,
Толпится народъ, и съ томящей мольбой
Упавъ надъ тѣлами убитыхъ,
Онъ проситъ пощады за то, что искалъ
Отъ грозной неправды спасенья,
И, сбросивъ оковы, на троны возсталъ,
Свергая ярмо угнетенья.
Но пушка грохочетъ; „Клонись предо мной,
„Ты, подлое рабское племя!
„Пока существуетъ земля подъ тобой,
„И въ вѣчность бѣгущее время

„Еще не угасло.— нигдѣ не найдешь
„Свободы и правды на свѣтѣ!
„Рабомъ родилось ты. рабомъ и умрешь,
„И будутъ рабы твои дѣти!...„
Напрасны мольбы передъ силою злой....
И клонятся темные люди
Надъ мокрой отъ крови погибшихъ землей
Предъ силой ревущихъ орудій.
И вижу я, въ стройныхъ колоннахъ идутъ
Служители грознаго бога;
Оковы и плахи съ собою несутъ:
Имъ всюду открыта дорога...
И блескомъ холоднымъ, щетинясь. блестятъ
Штыки ихъ, средь дыма сверкая,
И мѣдныя каски во мракѣ горятъ,
Пожаръ и огонь отражая,
И ѣдутъ толпами народа бичи.
И голубый жандармъ. и сенаторъ.
И судьи — несчастной страны палачи —
И съ ними палачъ императоръ.
То старое рабство привычной стезей
Идетъ, все губя и терзая.
И зарево ярче горитъ надъ страной,
Мученья людей освѣщая...

V

Мой путь пропадаетъ.... Труднѣй и труднѣй
Идти по пустынѣ холмистой...
Какъ жарко средь этихъ песковъ и полей,
На этой дорогѣ тернистой
Темно. какъ въ гробу. на землѣ. въ небесахъ...
Природа какъ будто застыла...
На западѣ дальнемъ, крутясь въ облакахъ,
Свистя. непогода завыла...

И вздрогнулъ весь міръ отъ конца до конца
Какъ саваномъ тучей покрылся,
И образъ царя Золотаго Тельца,
Во мракѣ и дымѣ явился.
Все стихло. Лишь вороновъ стая спустъ,
На ветрѣчу тирану слетаясь
Да полчище слугъ на колѣни встаетъ,
Предъ новымъ царемъ преклоняясь...
И слышится голосъ: „Незыблемъ законъ
„Господства богатства и силы,
„Страдать терпѣливо ты имъ осужденъ,
„Трудиться весь вѣкъ до могилы;
„Напрасны о равенствѣ, братствѣ слова,
„Гдѣ слабаго сильный терзаетъ;
„Успѣхъ или гибель! Вотъ гласъ божества,
„Что міромъ вѣка управляетъ“
И вижу я, движутся массой густой,
Какъ стаи голодныхъ вампировъ,
И золота слитки проносятъ съ собой
Толпы фабрикантовъ, банкировъ....
Фабричныя трубы весь воздухъ коптятъ,
Поднявшись средь каменныхъ сводовъ;
Какъ мрачныя тѣни въ долинахъ стоятъ
Высокія группы заводовъ.
Тамъ злятся машины, гремятъ и ревутъ,
Шипятъ, точно змѣи, насосы,
И тѣло, и кости рабочаго рвутъ,
Мелькая, какъ въ вихрѣ, колеса...
И алчное войско все больше растетъ,
Всю землю собой наполняетъ,
И копотью, гарью кругомъ отдаетъ,
И все передъ нимъ погибаетъ...

VI

Мой путь прекратился въ туманѣ и мглѣ,
Все скрылось подъ ночью глубокой...
Теперь я стою на высокой скалѣ
Безъ силъ, весь въ крови, одинокій...
Отсюда я вижу средь тьмы, облаковъ,
Что скрыто отъ взоровъ другаго,
Я вижу теченье могучихъ вѣковъ
И долю народа роднаго.
Мертва и спокойна лежитъ предо мной
Страна вѣкового застоя:
Орелъ безобразный съ двойной головой,
Паритъ средь ночнаго покоя;
Тамъ трупы погибшихъ повсюду лежатъ
И хищныя птицы летаютъ,
И высятся тюрьмы, и цѣпи звенятъ,
И стоны рабовъ не смолкаютъ....
Въ ней зданіе рабства на грудахъ костей
Стоитъ высоко и громадно,
И трое безумныхъ жестокихъ царей
Терзаютъ народъ безпощадно.
Но вотъ въ этой тьмѣ гробовой разлились
Какая то жизнь и волненье,
Неясныя тѣни въ дали поднялись,
И слышу я гимнъ пробужденья:
„О, родина! Долго ль ты будешь страдать
„Подъ бремеменъ горькой невзгоды?
„И долго ль позорно ты будешь молчать
„На голосъ призывный свободы?
„Встань, бѣдный народъ! подымитесь, рабы,
„И въ битву идите скорѣе!

„Довольно вы гнулись подъ игомъ судьбы!
„Разбейте оковы! смѣлѣе!“
И гордый призывъ по странѣ прозвучалъ,
Народы на троны возстали,
Земля содрогнулась, весь міръ застоналъ,
И въ страхѣ цари задрожали....
Съ пронзительнымъ крикомъ свалился орелъ
Все въ страшный хаосъ обратилось,
И зданіе рабства — тирановъ престолъ, —
Сломившись, треща, повалилось,
И много людей подъ собой въ глубинѣ,
Въ паденьи оно раздавило:
И чудо свершилось: пропала въ странѣ
Неволи губящая сила!...
Разсѣялись тучи съ туманомъ густымъ,
Свалились оковы съ народа,
И вся ожила подъ лучомъ золотымъ
Весенняго солнца природа....
Но тутъ я проснулся... Въ коморкѣ глухой
Все было темно, безучастно...
И мѣсяцъ сіялъ надъ моей тюрьмой
Такъ блѣдно, бездушно, безстрастно...

Н. Морозовъ.

ПАМЯТИ 1873—75 гг.

Я врагами въ тюрьмѣ погребенъ,
Но живу все еще годъ отъ году...
Въ дни тяжелой борьбы за свободу
Было время моихъ похоронъ.
За желѣзной тюремной рѣшеткой,
За сырой и холодной стѣной,
Яркимъ свѣтомъ горятъ предо мной
Эти дни моей жизни короткой.
Вспоминается мнѣ та пора,
Какъ по нивамъ родимаго края
Раздалось, сѣрый людъ пробуждая,
Слово братства, свободы, добра..
Какъ въ смятеньи подняли тревогу
Слуги мрака, оковъ и цѣпей,
И покровомъ терновыхъ вѣтвей
Застилали къ народу дорогу..
Какъ въ борьбѣ съ ихъ несмѣтной толпой
Молодая, могучая сила,
Погибая, народъ пробудила,
И проснулся рабочій на бой...
Вы, друзья, что въ борьбѣ уцѣлѣли,
Тоже здѣсь вспоминаетесь мнѣ...
Лучше ль вамъ на родной сторонѣ?
Ближе ль, братья, стоите вы къ цѣли?
Тяжкій крестъ привелось вамъ принять,
Легкій жребій мнѣ выпалъ на долю:
Трудно жить и бороться за волю,
Но легко за нее умирать.

Трудно жить, чтобъ порой не дрожала,
На врага подымаясь рука,
Чтобы силъ не съѣдала тоска,
Если счастье въ борьбѣ измѣняло,
Чтобы въ томъ, кто возсталъ за любовь,
Вплоть до двери холоднаго гроба
Не смолкала бъ могучая злоба
И кипѣла бы мщеніемъ кровь!..

Н. Морозовъ.

* * *

Проклятіе! Пиши стихи въ тюрьмѣ,
Когда на волѣ ждетъ не слово,—дѣло!
Да, жить одной мечтою надоѣло..
Безплодно бьется мысль въ моемъ умѣ..

Когда къ борьбѣ съ неправдой злой
Стремится все живое,
Когда повсюду гнетъ тупой
Надъ родиной больною,—
Тогда не слѣдъ въ тюрьмѣ сидѣть
И пѣсни о неволѣ пѣть!

Тогда, поэтъ, бросай перо скорѣй
И мечъ бери, чтобъ биться за свободу:
Стѣсненному неволею народу
Ты не поможешь пѣснею своей...

Нѣтъ! не рожденъ поэтомъ я!...
Средь грезъ и рифмъ забыться
Я не могу!—Душа моя
Къ борьбѣ съ врагомъ стремится!
И муза мнѣ на умъ нейдетъ...
Лишь злость кипитъ и сердце рветъ!

Н. Морозовъ.

* * *

Некуда дѣться отъ злобы и боли!...
Порча какая случилася что ли,
Желчь ли во мнѣ разлилась эту ночь,
Право, не знаю!... Но только не въ мочь!
Противъ любимой недавно отчизны
Льются изъ сердца слова укоризны..
Русская жизнь! Средь густой темноты
Какъ неуклюже сложилася ты!..

Родина мать! нѣтъ ни счету, ни смѣты
Змѣямъ, что были тобою согрѣты,—
Дѣдовъ вина и безпечность отцовъ
Создали цѣлое племя рабовъ!
Всюду душилъ тебя льстивый сенаторъ,
Хищный чиновникъ, палачъ-императоръ,
Попъ и помѣщикъ, судья и купецъ,—
Грабилъ послѣдній судейскій писецъ!...
Ты же,—ты только терпѣла, страдала,
Вѣчно трудилась и вѣчно молчала,
И средь громадной, родимой земли
Вѣчно валялся народъ твой въ пыли...

Но разойдись ты, тоска гробовая!
Злу не поможешь, лѣниво страдая,—
Некогда плакать, не время стонать,
Надо ошибки отцовъ поправлять!...
Родина мать! Разверни свои силы,
Жизнь пробуди средь молчанья могилы!
Встань! угнетенье и тьму прекрати
И за погибшихъ дѣтей отомсти!!...

Н. Морозовъ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПОДСУДИМЫМЪ ПРОЦЕССА 50

(Изъ «Земли и Воли» № 5)

Смолкли честные, доблестно павшіе:
Смолкли ихъ голоса одинокіе,
За несчастный народъ вопіявшіе....
Но разнузданы страсти жестокія.
Вихрь злобы и бѣшенства носится
Надъ тобою, страна безотвѣтная.
Все живое, все честное косится....
Слышно только, о ночь безразсвѣтная,
Среди мрака, тобою развитаго,
Какъ враги, торжествуя скликаются....
Такъ на трупъ великана убитаго
Кровожадныя птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются....

МИХАЙЛОВУ.

Закованъ тяжелой желѣзной цѣпью,
Идешь ты, изгнанникъ, въ холодную даль,
Идешь безконечною,снѣжною степью,
Идешь въ рудокопы на трудъ и печаль.

Иди безъ унынья—иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ, и святы страданья!

И вѣрь неослабно, нашъ мученикъ ссыльный,
Иной рудокопъ не изчезъ, не потухъ.
Незримый, но слышный, повсюдный, всесильный
Народной свободы таинственный духъ.

Иди-жъ безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ, и святы страданья.

Онъ роется мыслью, работаетъ словомъ,
Онъ юношей будитъ въ безмолвьи ночей;
Пророчитъ о племени сильномъ и новомъ,
Хоронитъ безжалостно ветхихъ людей.

Иди-жъ безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ, и святы страданья.

Онъ создалъ тебя и въ плѣну не покинетъ,
Онъ стражу разгонитъ и цѣпь раскуетъ;
Онъ камень отъ входа темницы отдвинетъ,
На праздникъ народный тебя призоветъ.

Иди-жъ безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ, и святы страданья.

СТУДЕНТАМЪ.

(Приписывается Михайлову.)

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ бы, братья, заключилъ
И надежды, и проклятья
Съ вами братски раздѣлилъ.

Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы
Въ тьму и холодъ рудника.

Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраню.

Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать,
И души одно желанье,
Какъ молитву, повторять:

Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ.

КЪ АГЕСТАНТУ.

Мой привѣтъ тебѣ, братъ по несчастью!
Ты, какъ я же, сталъ жертвой пѣшей!
Погубило насъ жизни ненастье:
Трусость, глупость и злоба людей!

Не такого-бъ ты стоилъ удѣла:
Полный жизни, энергіи, силъ;
Вѣрный рыцарь великаго дѣла,
Ты любимымъ-бы былъ и любилъ.

Но не то тебѣ пало на долю:
Ты аскетомъ всю жизнь проживешь,
Изъ тюремной лишь выйдешь неволи,
Какъ въ тюрьму ты опять попадешь.

И всю жизнь, какъ бродяга скитаясь,
Слово правды вездѣ разнесешь;
Но, за счастьемъ людскимъ вѣкъ гоняясь,
Своего ты нигдѣ не найдешь!

Но во многомъ найдешь ты отраду:
Въ томъ, что честно исполнилъ свой долгъ,
Что страдалъ за любовь и за правду,
Что твой подвигъ былъ труденъ и долгъ,

И что былъ онъ свершенъ не напрасно,
Какъ отшельника подвигъ тупой,
Что, бичуя себя ежечасно,
Истомляетъ безплодной борьбой.

Нѣтъ, погибнешь ты, братъ мой, недаромъ!
Что ты сѣялъ, то все и взойдетъ;
Все, чему ты училъ съ юнымъ жаромъ,
Все въ народѣ свой откликъ найдетъ!

Глубоко западутъ въ его душу
Сѣмена тѣ, на зло людямъ тьмы:
Ихъ не вырветъ суровая стужа
Русской вселеднящей зимы.

Грозенъ будетъ тотъ откликъ народа!
Громче звона его кандаловъ,
Громче яростныхъ воплей враговъ
Прозвучитъ это слово „свобода"!

Рухнетъ старый союзъ бюрократа,
Фабриканта, попа и солдата;
Какъ видѣнье тяжелаго сна,
Вѣковая исчезнетъ тюрьма!

Рухнетъ съ виду столь прочное зданіе,
Такъ какъ въ самомъ его основаніи
Подточилъ его старый тарантъ,
Человѣческихъ силъ паразитъ.

И на грудахъ костей твоихъ братій
Оснуется то царство любви,
Гдѣ не будетъ ужъ слышно проклятій,
Стоновъ жертвъ, затопленныхъ въ крови.

КЪ СУДЬЯМЪ.

Мой тяжкій грѣхъ, мой умыселъ злодѣйскій
Суди, судья, но проще, но скорѣй:
Безъ мишуры, безъ маски фарисейской,
Безъ защитительныхъ рѣчей...

Крестьянскія вериги вмѣсто платья
Одѣвъ и снявъ „преступно“ башмаки,
Я шла туда, гдѣ стонутъ наши братья,
Гдѣ вѣчный трудъ и бѣдняки.

Застигнута на мѣстѣ преступленья
Съ „поличнымъ“ я на судъ приведена...
Зачѣмъ же тутъ свидѣтели и пренья!
Вѣдь я кругомъ уличена!

Оставь, судья, ненужные вопросы...
Взгляни — я вся въ уликахъ: на плечахъ
Мужицкая одежда, ноги босы,
Мозоли видны на рукахъ.

Тяжелою работой я разбита....
Но, знаешь-ли — въ душѣ моей, на днѣ,
Тягчайшая изъ всѣхъ уликъ сокрыта:
Любовь къ родимой сторонѣ.

Но знай и то, что какъ я ни преступна
Ты надо мной безсиленъ, мой судья...
Нѣтъ, я суровой карѣ недоступна,
И побѣдишь не ты, а я.

„Пожизненно“ меня ты похоронишь...
Но мой недугъ ужъ написалъ протестъ..
И мнѣ грозитъ—самъ видишь ты и знаешь-
Лишь кратковременный арестъ.

А я умру все съ тою-же любовью .
И, уронивъ тюремные ключи,
Съ молитвою приникнутъ къ изголовью
И зарыдаютъ палачи...!

С. Бардина

* * *

Славься свобода и честный нашъ трудъ!
Пусть насъ за правду въ темницу запрутъ,
Пусть насъ пытаютъ и жгутъ насъ огнемъ,—
Пѣсню свободѣ и въ пыткѣ споемъ.
Славься же, славься, родимая Русь,
И предъ царемъ и кнутами не трусь;
Встань, ополчися за правду на брань,
Встань же скорѣе, родимая, встань!

НА СМЕРТЬ МЕЗЕНЦЕВА.*)

Какъ ударъ громовой, всенародная казнь
Надъ безумнымъ злодѣемъ свершилась;—
То одна изъ ступеней отъ трона царя
Съ грознымъ трескомъ долой отвалилась.

Безсердечный палачъ успокоенъ на вѣкъ,
Не откроются мертвыя очи!
И трепещетъ у пышнаго гроба его
Въ изумленіи деспотъ Полночи.

Мраченъ царь... Думу крѣпкую думаетъ онъ:
„Кто осмѣлился стать судіею
„Надъ тобою, надъ вѣрнымъ слугою моимъ,
„Надъ любимцемъ, возвышеннымъ мною?

„Не злодѣй ли безъ Бога и правды въ душѣ?
„Не завистникъ ли подлый, лукавый?
„Или врагъ потайной? Или недругъ лихой,
„Преисполненный местью кровавой?..“

Все молчитъ... Нѣтъ отвѣта. Кругомъ тишина.
Лишь псаломщикъ кафизмы читаетъ,
Да свѣтильня дрожитъ... И вторично судьбу
Самодержецъ-монархъ вопрошаетъ...

---

*) Намъ къ сожалѣнію не удалось достать, изданнаго когда-то въ Россіи «Сборника Стихотв.», гдѣ было напечатано стих. «На смерть Мезенцева»: оно списано нами съ памяти и поэтому является теперь съ нѣкоторыми пропусками и искаженіями

Вотъ упала свѣча и потухла, дымясь.
Вслѣдъ за нею потухли другія.
Мракъ густой опустился на бархатный гробъ,
На покровы его дорогіе...

Царь стоитъ и не вѣритъ смущеннымъ очамъ:
Какъ на гласъ неземного велѣнья,
Поднялись и проносятся мимо него
Рой за роемъ живыя видѣнья.

Изможденны, избиты, въ тяжелыхъ цѣпяхъ,
Кто съ простреленной грудью, кто связанъ,
Кто въ зіяющихъ ранахъ на вспухшихъ спинахъ,
Будто только что плетью наказанъ.

Тутъ и лапоть крестьянскій и черный сюртукъ,
Женскій локонъ, солдатикъ въ мундирѣ,—
И съ веревкой на шеѣ удавленный трупъ,
И поэтъ, замореннный въ Сибири...

Словно духи на страшную тризну сошлись
Въ часъ условный ночного свиданья:
Собралися и, ставши вокругъ мертвеца,
Затянули ему отпѣванье:

«Жизнью распутною вскормленный,
«Нашею кровію вспоенный,
«Жалости въ сердцѣ не вѣдавшій,
«Пытки и смерть проповѣдавшій,
«Шедшихъ дорогой тернистою
«Мявшій стопою нечистою
«Въ страшной, неравной борьбѣ,—
«Вѣчная память тебѣ!...

«Память позорная
«Мысли гонителю!
«Память укорная
«Злому мучителю!

«Неисправимая,
«Неизгладимая
«Безчеловѣчная,
«Вѣчная, вѣчная
«Память тебѣ!!...»

И съ проклятіемъ грознымъ они унеслись,
До холодныхъ могилъ добираясь;
Застучали оковы на тощихъ ногахъ,
Въ расшивной катафалкъ ударяясь.

Но видѣнье одно, долетѣвъ до царя,
Передъ нимъ неподвижное стало
И, взглянувъ на него, съ молодого чела
Гробовое сняло покрывало.

Блѣдный ликъ его гнѣвнымъ укоромъ сверкалъ
Мрачный вызовъ во взорѣ свѣтился.
«Царь! Ты вѣдать хотѣлъ, кто любимца убилъ,
Кто на подвигъ кровавый рѣшился?

«Не злодѣй, не завистникъ, не недругъ лихой,
Не своей вымещалъ онъ обиды,
То посланникъ смиренный, послушный боецъ,
Всенародной, святой Немезиды.

«Не опричника злого онъ жизни искалъ,
Что опричникъ! Ихъ много найдется!
Царь! Ты совѣсть спроси, и правдивый отвѣтъ,
Можетъ быть, въ ея нѣдрахъ найдется...

«Онъ тобой изведенъ, твой послушный холопъ,
Исполнитель кровавыхъ велѣній!
Ты убійца его! Погляди и казнись:
Это жертва твоихъ преступленій.

«Восносный коварною лестью рабовъ,
Богъ земной, лишь себя обожавшій,
Властелинъ, безпощадно всесильной рукой

Свой народъ неповинно сковавшій;

«Царь, гонитель свободы и правды святой,
Народившейся мысли гонитель,
Сладострастный, холодный, жестокій старикъ
Нашихъ силъ молодыхъ развратитель.

«Окруженный плеядой дворцовыхъ свѣтилъ,
Въ облакахъ покупныхъ фиміамовъ,
Не разслышалъ ты воплей родимой земли
За напѣвомъ придворныхъ баяновъ.

«Ты не вѣдалъ, не зналъ за обильнымъ столомъ,
Какъ въ нуждѣ умираетъ голодный,
Двадцать лѣтъ, какъ блудница, съ друзьями моталъ
Ты послѣдній достатокъ народный.

«А повсюду то голодъ, и холодъ, и моръ,
Обездоленный грабитъ, воруетъ,
Свищутъ розги въ поганыхъ рукахъ становыхъ,
А избитый тѣ руки цѣлуетъ.

«Вотъ подъ Плевной дымится огромный курганъ;
Тамъ останки еще не догнили:
Чтобъ уважить царя, въ имянины его
Много тысячъ своихъ положили.

«Именинный пирогъ изъ начинки людской
Братъ подноситъ державному брату:
А на родинѣ вѣтеръ холодный шумитъ
И разноситъ солдатскую хату...

«Вотъ старушка, убитая горемъ, сидитъ:
Въ кандалахъ увели ея сына:
Во всесильномъ, жестокомъ тиранѣ, въ тебѣ,
Не хотѣлъ онъ признать властелина.

„Изъ родимаго дома его увели
Отъ любимыхъ, родныхъ оторвали

И на годы, на долгіе годы въ тюрьмѣ,
Какъ въ могилѣ глухой заковали.

«Вотъ невѣста въ слезахъ: разстрѣляли вчера
Жениха, объявившаго смѣло,
Что не сдастся злодѣямъ, пришедшимъ его
Оторвать отъ великаго дѣла.

«Да товарищъ печально стоитъ въ кандалахъ
Надъ могильнымъ холмомъ, вспоминая,
Какъ погибла во цвѣтѣ надежды и силъ
Благородная жизнь молодая.

«Стонетъ Польша, казакъ и забитый еврей,
Стонетъ пахарь нашъ многострадальный:
Истомился въ далекой Якутской тайгѣ
Яркій свѣточъ науки опальной.

«Стонетъ мать надъ могилой убитыхъ дѣтей,
А вдова надъ могилою мужа,
Вторитъ имъ не впопадъ завывая мятель,
Да Сибири трескучая стужа.

«Стонъ и вопли страдальцевъ до самыхъ небесъ
Горемычной росой поднялися,
И вселенскою тучей надъ трономъ твоимъ
Съ цѣлой русской земли собралися.

«И виситъ эта туча и будто-бы ждетъ,
Словно крылья орелъ расправляетъ
Но ударитъ твой часъ,—грозовая стрѣла,
Какъ архангела мечъ,засверкаетъ.

«Каждый стонъ, каждый вздохъ, пролитая слеза
Въ огнедышащій змѣй обратятся,
И въ давно зачерствѣлое сердце твое
Милліонами зубьевъ вонзятся!...»

...Все пропало во тьмѣ, все сокрылось изъ глазъ,
Роковыя исчезли видѣнья...
Монотонно псаломщикъ псалтырь зачиталъ
Надъ суровою жертвою мщенья.

Полумракъ, тишина... Пышный гробъ и налой,
Образа съ восковыми свѣчами,
И покойникъ съ суровымъ, холоднымъ лицомъ,
Съ искаженными смертью чертами...

Ольхинъ.

ПѢСНЯ О РУБАШКѢ.

(Томасъ Гудъ.)

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ....
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьи сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ....
Шьетъ—шьетъ—шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ—
Поетъ о рубашкѣ она.

„Работай! работай! работай,
Едва пѣтухи прокричатъ!
Работай! работай! работай,
Хоть звѣзды сквозь кровлю глядятъ!
Ахъ, лучше бы мнѣ пропадать
Въ неволѣ у злыхъ басурманъ!

Тамъ нечего женщинѣ душу спасать,
Какъ надо у насъ, христіанъ.

„Работай! работай! работай!
Пока не сожметъ головы, какъ въ тискахъ!
Работай! работай! работай,
Пока не померкнетъ въ глазахъ!
Строчку — ластовку — воротъ —
Воротъ — ластовку — строчку....
Повалитъ ли сонъ надъ шитьемъ — и во снѣ
Строчишь все да рубишь сорочку.

„О братья любимыхъ сестеръ!
Опора любимыхъ супругъ, матерей!
Не холстъ на рубашкахъ вы носите—нѣтъ!
А жизнь безотрадную швей.
Шей! шей! шей!...
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
Рубашку и саванъ одною иглой
Я шью изъ того-жь полотна!

„Но что мнѣ до смерти? Ея не боюсь,
И сердце не дрогнетъ мое,
Хоть тотчасъ костлявая гостья приди.
Я стала похожа сама на нее.
Похожа отъ голоду я на нее...
Здоровье не явится вновь.
О Боже! зачѣмъ это дорогъ такъ хлѣбъ,
Такъ дешевы тѣло и кровь?

„Работай! Работай! Работай!
Мой трудъ безконечный жестокъ.
А плата? Отрепье, солома въ углу,
Да черстваго хлѣба кусокъ.
Скамейка да столъ — голый полъ —
Убогая кровля сквозится...

И то любо мнѣ, какъ на сѣрой стѣнѣ
Порой моя тѣнь отразится.

„Работай! работай! работай!
Отъ боя до боя часовъ!
Работай! работай! работай,
Какъ каторжникъ въ тьмѣ рудниковъ!
Строчка — ластовка — воротъ —
Воротъ — строчка — рубецъ...
Застелетъ глаза, онѣмѣетъ рука,
И сердце замретъ подъ конецъ.

„Работай! работай! работай,
Когда леденѣетъ въ окошкѣ стекло!
Работай! работай! работай,
Когда и свѣтло, и тепло —
И ласточки, къ выступамъ кровли лѣпясь,
Щебечутъ въ сіяніи дня,
И кажутъ мнѣ яркія спинки свои,
И дразнятъ весною меня.

„О! только бы разъ подышать
Дыханьемъ луговъ, полевыми цвѣтами,
Вверху только небо одно,
Трава и цвѣты подъ ногами.
О только бы часъ лишь прожить
Блаженствомъ младенческихъ лѣтъ,
Когда я не знала, что буду цѣнить
Дороже прогулки обѣдъ!

„О! только бы часъ лишь одинъ!
Лишь мигъ!.. чтобъ душа ожила...
Любовь и надежда! и мига вамъ нѣтъ:
Все время печаль отняла.
Поплакать бы — легче бы сердцу отъ слезъ..

Нѣтъ, слезы мои, не теките!
Иголкѣ моей не мѣшайте вы шить!
Шитья моего не мочите!“
Затекшіе пальцы болятъ,

И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьи сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ...
Шьетъ — шьетъ — шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ...
Иль пѣсня та къ вамъ, богачи, не дойдетъ?..
Поетъ о рубашкѣ она.

ДВА СТАНА.

Въ мірѣ два стана, нещадно враждующихъ:
Въ первомъ — съ побѣдно поднятой главой
Сонмы веселыхъ, безпечныхъ, ликующихъ,
Сытыхъ, довольныхъ собой;
Сонмы терзающихъ силы народныя,
Нагло сосущихъ народную кровь,
Топчущихъ въ грязь все святое, свободное —
Честь, идеалъ и любовь.
Съ сердцемъ заплывшимъ, душой пресыщенною,
Всюду внося съ собой ложь и развратъ,
Все попираютъ стопой загрязненною,
Куплей-продажей клеймятъ.
Совѣсть и честь для нихъ звуки забытые,

Изгнаны правда, любовь, идеалъ;
Соки народные, въ золото слитые, —
Вотъ гдѣ ихъ богъ, ихъ ваалъ.
Вѣчная праздность, разгулъ нескончаемый,
Пьянство, обжорство, безстыдный развратъ,
Наглая ложь, произволъ нескрываемый
Здѣсь безраздѣльно царятъ...

Въ станѣ другомъ милліоны униженныхъ,
Стонущихъ тяжко подъ гнетомъ оковъ,
Счастья не знающихъ, рокомъ обиженныхъ,
Цѣпи влачащихъ рабовъ;
Вѣчно надломленныхъ, вѣчно страдающихъ,
Молотомъ, ломомъ, сохой, топоромъ
Жизнь и здоровье свое надрывающихъ
Надъ непосильнымъ трудомъ;
Хищныя стаи жестокихъ мучителей,
Алчныхъ вельможъ и жестокихъ царей,
Царскихъ холоповъ, чиновныхъ грабителей
Кровью питаютъ своей...

Только не вѣчно имъ рабство позорное,
Гнетъ ненавистный смиренно нести;
Кончится скоро молчанье покорное,
И задрожатъ палачи...
Близокъ ужъ часъ, ужъ борьба разгорается.
Мракъ безпросвѣтный не такъ ужъ гнететъ:
Это свободы заря занимается,
Это народъ возстаетъ...

***

(Изъ «Вѣстника Народной Воли»)

«Не пора ли отдохнуть, о братья,
«Мракъ глубокъ, не видно маяка...
«Шевелятся на душѣ проклятья,
«Замерла усталая рука...
«Нѣтъ ни силъ, ни бодрости, ни воли...
«Бросимъ весла, безполезенъ руль:
«Что ни день — все нестерпимѣй боли,
«Муки сердца, а въ итогѣ — нуль...
Такъ въ борьбѣ могучіе любовью,
Сколько разъ стонали мы... И вновь
Въ пылкомъ сердцѣ, истекавшемъ кровью,
Воскресали силы и любовь.
Сколько разъ мы опускали руки,
Сколько разъ бросали буйный споръ —
И опять съ отвагой шли на муки,
На борьбу, на крестъ и на позоръ.
Поднимали снова правды знамя,
И на немъ писали тѣ слова,
Отъ которыхъ ярче въ сердцѣ пламя,
Даль свѣтлѣй, и выше голова...

Я.

***

(Изъ «Вѣстника Народной Воли»)

О, подлое, чудовищное время
Съ кровавыми глазами, съ алчнымъ ртомъ!
Година ужасна!... Кто проклялъ наше племя,
Кто осудилъ его безжалостнымъ судомъ?
Пришли мы въ міръ съ горячею любовью
Къ униженнымъ, къ обиженнымъ, ко всѣмъ,
Кто подъ крестомъ борьбы, самъ истекая кровью,
На вопль собратьевъ не былъ глухъ и нѣмъ;
Пришли мы въ міръ съ рѣшимостью великой
Міръ погибающій отъ гибели спасти,
Отъ бойни вѣковой, безчеловѣчной, дикой...
И что-жъ? насъ распяли, предавъ на полпути..
Жизнь умерла. Кто скрылся въ катакомбы;
Кто палъ въ борьбѣ. Чудовищамъ-богамъ
Что день, приносятся живыя гекатомбы
И курится кровавый фиміамъ..
Ликуютъ псы, и торжествуютъ шумно
Жильцы хлѣвовъ своей побѣды часъ...
И рвется стонъ изъ сердца, стонъ безумный:
«Кто проклялъ насъ, кто проклялъ насъ,...» ?

Я.

МАТЕРИ.

(Изъ «Вѣстника Народной Воли»)

Не плачь, о мать моя, и сына не кори:
Не горе домъ твой посѣтило.
Съ тоской и горечью врагамъ не говори,
Что сына ты похоронила.
Но ты скажи, что духомъ онъ возсталъ
Изъ ненавистной ночи гроба,
Что онъ увѣровалъ и истину позналъ
И что ему смѣшна ихъ злоба.
Что много насъ, что насть иль побѣдить
Идемъ мы, не страшась гоненья,
Что мы свободу вѣчную купить
Идемъ цѣною пытокъ и мученья.
О мать моя, ты можешь ли понять
Слова мои, стремленья гражданина,
Иль умирая будешь повторять,
Что раньше схоронила сына... ?

Я.

МАТЕРИ.

Мнѣ снилось сегодня: въ безвѣстномъ краю
Въ слезахъ я родимую видѣлъ свою.
— „Скажи, мой желанный, скажи, дорогой,
Дожду-ли тебя я, соколикъ, домой?
Взгляни: мои очи ослѣпли отъ слезъ,
И снѣга бѣлѣй стали пряди волосъ...
Все грезятся мнѣ на яву и во снѣ
Страданья твои въ чужедальней странѣ!
Все слышу бряцанье тяжелыхъ цѣпей,
Все вижу замки у дубовыхъ дверей;
За ними — знакомая поступь и рѣчь...
Нельзя мнѣ спокойно въ могилушку лечь!"

— „О матушка милая! Радъ-бы душой
Тебя я утѣшить, вернуться домой:
Хоть были-бъ три жизни даны мнѣ въ удѣлъ,
Всѣ-бъ отдалъ я, всѣ.. и къ тебѣ-бъ полетѣлъ!
Но душу живую я смѣю-ль отдать?
Могла-ли-бъ меня ты за сына принять —

И слезы лились у родимой рѣкой,
И дряхлой качала она головой...

П. Якубовичъ.

ПѢСНЯ РУБИЛЬЩИКОВЪ.

Тамъ, гдѣ холодомъ облиты
Сопки высятся кругомъ, —
Обезличены, обрыты,
Въ кандалахъ и подъ штыкомъ,
Въ полумракѣ шахты душной,
Не жалѣя силъ и рукъ,
Мы долбимъ гранитъ бездушный
Монотоннымъ „тукъ“ да „тукъ“!

***

Гдѣ высокіе порывы,
Сны о правдѣ и добрѣ?
Ранній гробъ себѣ нашли вы
Въ темной каторжной норѣ!
Счастья кончены обманы,
Знамя вырвано изъ рукъ...
Заглушая сердца раны,
Мы стучимъ лишь „тукъ“ да „тукъ“!

***

Съ нелюдимаго востока,
Съ плачемъ снѣжныхъ непогодъ,
Этотъ стукъ пройдетъ далеко,
Въ грудь отчизны западетъ!
И на гибнущее дѣло
Вышлетъ сотни свѣжихъ рукъ...
Бейте-жъ, братья, бейте смѣло,
Неустанно: „тукъ! тукъ! тукъ!“

П. Якубовичъ.

ПОСЛѢ КАЗНИ 4 НОЯБРЯ

(Изъ „Народной Воли“ № 4)

И опять палачи!... Сердца крикъ замолчи!...
Снова въ петлѣ качаются трупы.
На мученье бойцовъ, нашихъ лучшихъ сыновъ,
Смотрятъ массы безжизненно тупы.
Нѣтъ. Покончить пора, вѣдь не ждать намъ добра
Отъ царя съ его сворой до вѣка.
И приходится вновь биться съ шайкой враговъ
За свободу, права человѣка....
Я топоръ наточу, я себя пріучу
Управляться съ тяжелымъ оружьемъ,
Въ сердцѣ жалость убью, чтобы руку свою
Сдѣлать страшной безчувственнымъ судьямъ.
Не прощать никого, не щадить ничего.
Смерть за смерть. Кровь за кровь. Месть за казни.
И чего жъ ждать теперь? Если царь дикій звѣрь,
Затравимъ мы его безъ боязни.
Братья, труденъ нашъ путь. Надрывается грудь
Въ этой битвѣ съ бездушною силой.
Но сомнѣнія прочь! Вѣдь не все жъ будетъ ночь,
Свѣтъ блеснетъ хоть надъ нашей могилой.
И покончивъ борьбу, вспомнивъ нашу судьбу,
Обвинять насъ потомки не станутъ,
И въ свободной странѣ оправдаютъ вполнѣ,
Добрымъ словомъ погибшихъ помянутъ.

ГРАЖДАНИНЪ.

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣтъ, не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душей
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Они раскаются, когда народъ возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ лица свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута ни Рѣги.

Рылѣевъ.

КИНЖАЛЪ.

Лемносскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!
Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься вездѣ — подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ;
Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ —
Нѣмое лезвее злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.
Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой:
На сушѣ, на водахъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной.

* * *

Шумитъ подъ кесаремъ завѣтный Рубиконъ
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Кинжалъ, ты кровь излилъ, и мертвый объемлетъ [онъ

Помпея мраморъ горделивый.
Изчадіе мятежей подъемлетъ злобный крикъ
Презренный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ вольности безглавой,
Палачъ уродливый возникъ.
Апостолъ гибели, усталому Аиду,
Перстомъ онъ жертвы назначалъ,
И высшій судъ ему послалъ
Тебя и дѣву Эвмениду.

* * *

Свободы мученикъ, избранникъ роковой,
О Зандъ!*) Твой вѣкъ угасъ на плахѣ,
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ;
Твоей Германіи Ты грозной тѣнью сталъ,
И на торжественной могилѣ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

А. Пушкинъ

*) Нѣмецкій студентъ, убившій извѣстнаго реакціоннаго писателя и шпіона — Коцебу.

ВЪ СИБИРЬ. *)

Въ глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣніе,
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастью вѣрная сестра —
Надежда въ мрачномъ подземельи
Разбудитъ бодрость и веселье.
Прійдетъ желанная пора:
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.
Оковы тяжкіе падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ подадутъ.

А. Пушкинъ.

---

*) Стихотвореніе это было прислано Пушкинымъ въ 1827 г. въ Сибирь ссыльнымъ по дѣлу 14-го Декабря.

ОТВѢТЪ НА ПОСЛАНІЕ ПУШКИНА.

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли;
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

Но будь спокоенъ, братъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся надъ царями.

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ,
Изъ искры возгорится пламя,
И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

Мечи скуемъ мы изъ цѣпей
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И съ нею грянемъ на царей,
И радостно вздохнутъ народы.

БЛАГОДАРНОСТЬ ПРЕДШЕСТВЕННИКАМЪ.

(Посвящается живымъ и памяти умершихъ.)

Вамъ борцы усталые,
Иль костьми полегшіе,
Мы поемъ привѣтъ...
Вами, предки славные,
Крестъ тяжелый несшіе,
Сдержанъ вашъ обѣтъ!...

Вы истину страстно любили,
Вы пламенны были душой,
Вы всю вашу жизнь посвятили
Родимой странѣ дорогой...

Вашъ голосъ будилъ ея силы,
Онъ словомъ свободы звучалъ,
И знамя добра до могилы
Вашъ тѣсный кружекъ охранялъ...

Намъ легче живется во многомъ,
Чѣмъ жить приходилось отцамъ,
И «слава!» за то всѣмъ народомъ
Злоется когда нибудь вамъ...

Для самыхъ далекихъ потомковъ
Святой будетъ ваша судьба,
Въ сказаньяхъ историка громко
Прославится ваша борьба...

Нашъ долгъ продолжать ваше дѣло,
Наслѣдовать вашимъ трудамъ,
Съ глубокою вѣрою, смѣло,
Съ презрѣніемъ къ жалкимъ врагамъ...

Не бросимъ мы трудъ вашъ священный,
Въ бѣдѣ — не опустимъ головъ,
Намъ дорогъ завѣтъ вдохновенный
Страдальческихъ, славныхъ отцовъ!

Вамъ, бойцы усталые,
Иль костьми полегшіе,
Мы поемъ привѣтъ...
Вами, предки славные,
Крестъ тяжелый несшіе,
Сдержанъ вашъ обѣтъ!...

Д. М. Позняковъ

БОРЕЦЪ ЗА СВОБОДУ.

Я свободу всѣмъ сердцемъ люблю...
Звонаремъ я служилъ вѣчевымъ;
И на вѣче я первымъ спѣшилъ, —
Волновалъ его словомъ живымъ...

Я несчастнымъ былъ преданъ душой,
И за слабыхъ я грудью стоялъ;
Я ходилъ за нихъ въ бой роковой
И въ бою свою кровь проливалъ.

Въ цвѣтѣ лѣтъ я носилъ на ногахъ
И на шеѣ оковы цѣпей;
Я томился въ сырыхъ рудникахъ,
Погибалъ средь далекихъ степей,

Подъ ножемъ палачей умиралъ,
Какъ преступникъ, въ тяжелые дни,
И нерѣдко народъ предавалъ
Поруганію кости мои...

Но свободнаго войска герой
Не покинулъ почетныхъ борцовъ:
Увлекалъ я невѣждъ за собой,
Презиралъ поношенье глупцовъ...

И отрады боецъ не лишенъ:
Я не мало побѣдъ одержалъ, —
Мной разбойникъ-баронъ пораженъ,
Инквизитора — я доканалъ...

Если нынѣ тупѣетъ народъ
Отъ лишеній, въ кабальномъ трудѣ, —
Безъ моихъ неустанныхъ заботъ
Вѣчно будетъ онъ въ жалкой нуждѣ.

Если царство въ оковахъ уснетъ
И услышитъ свободы набатъ, —
Пусть меня тиранія клянетъ:
То мои ополченцы звонятъ!

Я народныхъ судебъ властелинъ!...
Я — Мессія забитыхъ племенъ!...
Безъ моихъ благородныхъ дружинъ —
Не видать имъ свободныхъ знаменъ...

И не брошу я славныхъ рядовъ,
Буду годы, вѣка воевать,
И добью я послѣднихъ враговъ:
То мой долгъ, то моя благодать...

Не подамся я шага назадъ.
Закалилъ меня бой вѣковой!...
Умирать за свободу я радъ,
Пролетарій, трибунъ и герой!...

М. Д. Позняковъ.

ПОРОГЪ.

(Стихотвореніе въ прозѣ.)

Я вижу громадное зданіе. Въ передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежь; за дверью угрюмая мгла. Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка... русская дѣвушка.

Морозомъ дышетъ та непроглядная мгла, и вмѣстѣ съ леденящей струей выносится изъ глубины зданія медлительный, глухой голосъ.

«О ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь ли ты, что тебя ожидаетъ?»

— Знаю, отвѣчаетъ дѣвушка.

«Холодъ, голодъ, ненависть насмѣшки, презрѣніе, обида, тюрьма, болѣзнь, самая смерть?»

— Знаю.

«Отчужденіе, полное одиночество?»

Знаю.. Я готова. Я перенесу всѣ страданія, всѣ удары.

«Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей?»

— Да... и отъ нихъ,

«Хорошо. Ты готова на жертву?»

— Да.

«На безымянную жертву? Ты погибнешь, — и

никто... никто не будетъ даже знать, чью память почтить.»

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

«Готова ли ты на преступленіе?»

Дѣвушка потупила голову.

— И на преступленіе готова...

Голосъ не тотчасъ возобновилъ свои вопросы.

«Знаешь ли ты, заговорилъ онъ, наконецъ, что ты можешь разувѣриться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь?»

— Знаю и это. И все таки я хочу войти.

«Войди!»

Дѣвушка перешагнула порогъ — и тяжелая завѣса упала за нею.

«Дура!» проскрежеталъ кто-то сзади.

«Святая!» пронеслось откуда-то въ отвѣтъ.

И. Тургеневъ.

* * *

Смолкли честные, доблестно-павшіе
Смолкли ихъ голоса одинокіе,
За несчастный народъ вопіявшіе.
Кровожадныя страсти жестокія
Вихорь злобы и бѣшенства носится
Надъ тобою, страна безотвѣтная!
Только слышно, о ночь безразсвѣтная,
Среди мрака тобою разлитаго,
Какъ на грудь великана убитаго,
Кровожадныя птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются.

Некрасовъ.

НОВОГОДНЯЯ ПѢСНЯ.

На рубежѣ прошедшаго съ грядущимъ,
Товарищи, оглянемся назадъ:
Тамъ не одинъ погибъ за правду братъ, —
Погибъ, побѣду завѣщавъ живущимъ.
Великое великой жатвы сѣмя,
Тѣ мертвецы живутъ среди бойцовъ....
Долой-же грусть! Долой сомнѣній бремя!
И выпьемте за нашихъ мертвецовъ!

Бодрящей струей
Вино пусть въ кубки льется! —
Еще въ насъ сердце бьется!
Какъ встарь, надъ головой
Все тоже знамя вьется!

Хоть многіе упали ужъ въ бою,
А все-жъ ряды бойцовъ не порѣдѣли:
Они идутъ къ своей великой цѣли
И высоко несутъ хоругвь свою,
Встрѣчая смерть и муки, и измѣну
Открытой грудью, съ криками „впередъ!“
Товарищи! — за тѣхъ, кто сталъ на смѣну!
Я пью за тѣхъ, кто бьется и живетъ!

Бодрящей струей
Вино пусть въ кубки льется,
Пусть въ насъ душа смѣется,
И кличъ нашъ боевой
Пусть громче раздается!

Чу! Новый Годъ ужъ въ нашу дверь стучится....
Послѣдній тостъ: за весь рабочій людъ!
Я пью за тѣхъ, чей неустанный трудъ
Далъ все, чѣмъ человѣчество гордится. —
Кто все даетъ и вѣчно обдѣленъ, —
Кѣмъ живы братство, равенство, свобода,
Но для кого онѣ — лишь чудный сонъ!...
За счастіе, за честь, за жизнь всего народа

А! вотъ и Новый Годъ....
Вверхъ кубки! Пусть вино,
Какъ бодрый духъ играетъ!...
Грядущее темно,
Но насъ не испугаетъ:
На радость, иль на муки —
Дадимъ другъ другу руки!
Да здравствуетъ народъ!

Ф. Волховскій

ТКАЧИ.

(Изъ Гейне)

Глаза ихъ сухіе не блещутъ слезами;
Сидятъ у станковъ и скрежещутъ зубами:
„Германія, саванъ тебѣ мы соткемъ,
„Въ него мы тройное проклятье вплетемъ.
„Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ.

„Проклятіе богу, предъ кѣмъ мы съ мольбою
„Склонялися въ голодъ и холодъ зимою!
„Напрасно мы ждали, надежды полны,
„Онъ насъ обманулъ, одурачены мы.
„Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

„Проклятье ему, королю всѣхъ счастливыхъ!
„Не жаль ему насъ бѣдняковъ терпѣливыхъ;
„Послѣдній онъ грошъ отнимаетъ у насъ;
— „Стрѣлять по собакамъ!„ — онъ отдалъ приказъ!
„Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

„Проклятье тебѣ, о нашъ край лицемѣрный,
„Гдѣ царствуетъ стыдъ и позоръ безпримѣрный,
„Гдѣ въ мигъ увядаетъ цвѣтокъ полевой,
„Гдѣ кормится тлѣніемъ червякъ гробовой!
„Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!“

Челнокъ снуетъ, станокъ гремитъ,
И день, и ночь все ткачъ сидитъ:
„Мы старой Германіи саванъ соткемъ,
„Въ него мы тройное проклятье вплетемъ.
„Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

ПОЭТЪ.

(Изъ Ж. Ришпена.

Приходи ко мнѣ голь непокрытая,
Споконъ вѣка бѣдою повитая,
Подъ заборомъ въ грязи нарожденная
И горячей слезой восноенная!

Я пѣвецъ вѣкового страданія!
Псалмопѣвецъ я вашъ по призванію;
Я — твой братъ, безсловесная тварь!
Я — поэтъ, я законный твой царь!

Приходите ко мнѣ голоштанники,
Побирушки, бродяги, карманники,
Потаскушки базарныя, грязныя,
Въ синякахъ, лишаяхъ, безобразныя!

Я пѣвецъ .. и т. д.

Рвань базарная, вонью богатая,
Все отродье, въ утробѣ проклятое,
Приходи ко мнѣ незаконное
И судьбой — палачомъ заклейменное!

Я пѣвецъ .. и т д.

Приходите ко мнѣ горемычные,
Ко кнуту, словно стадо, привычные!
Подымися, проснися, убожество:
Нужно войска мнѣ многое множество...

Я пѣвецъ... и т. д.

Встань, проснися отребье народное!
Ополчимся мы въ войско свободное,
Завоюемъ мы счастье и долюшку
Да широкую, вольную волюшку...

Я пѣвецъ вѣкового страданія!
Псалмопѣвецъ я вашъ по призванію;
Я — твой братъ, безсловесная тварь!
Я — поэтъ, я законный твой царь!

«ВОЛЬНЫЙ РАБОЧІЙ»

Улицей узкой, шумной и бѣдной
Шелъ, опустивъ воспаленныя очи,
Въ грязныхъ лохмотьяхъ, дрожащій и блѣдный
„Вольный рабочій“...

Вольный! Онъ можетъ, гдѣ хочетъ, скитаться,
Можетъ бродить онъ по улицамъ шумнымъ,
Можетъ онъ плакать и можетъ смѣяться
Смѣхомъ безумнымъ.

Можетъ стучаться онъ въ каждыя двери:
Голода муки никто не замѣтитъ, —
Сытые люди бездушны, какъ звѣри,
Смѣхъ лишь онъ встрѣтитъ.

Съ горькимъ проклятьемъ и жгучимъ укоромъ
Можетъ замерзнуть онъ ночью холодной,
Иль умереть, гдѣ нибудь подъ заборомъ,
Смертью голодной.

Что-же онъ сталъ? Иль себя онъ боится?
Дико глядятъ воспаленныя очи...
Что ему нужно? Вѣдь воленъ, какъ птица,
„Вольный рабочій“...

В. Ж.

ТРИ ДОРОГИ

(Изъ „Русскаго Рабочаго")

Изъ хаты три дороги:
Одна къ дверямъ сосѣда,
Мірского богатѣя.
Лихого міроѣда.

Ведетъ другая влѣво,
Кончаясь предъ корчмою,
А третья на кладбище,
Къ забвенью и покою.

И первая въ день знойный,
Когда кипитъ работа,
Вся искрится росою,
Росой кровавой пота;

Вторая — вся покрыта
Хмѣльныхъ людей толпами,
Тамъ слышенъ дѣтскій хохотъ
Надъ пьяными отцами;

По третьей носятъ гробы,
И въ горькій часъ прощанья
Тамъ слышны скорби стоны,
Надгробныя рыданья...

Идутъ по тѣмъ дорогамъ
Земля моя родная.
Сыновъ твоихъ милліоны,
Иныхъ путей не зная...

И въ мракѣ безпросвѣтномъ
Проходятъ дни и годы...
Кто-жъ новый путь укажетъ,
Путь счастья и свободы?...

В. Ж.

НЕЧЕГО ЖДАТЬ!

(Изъ «Набата»)

Время унылое. Грозное горе
Камнемъ тяжелымъ на сердце легло:
Счастья житейскаго свѣтлое море
Кровью народной пол о. .

И въ той крови, какъ въ винѣ утопая,
Мелкихъ страстей и разврата полна,
Дикая, алчная хищниковъ стая
Въ мірѣ пируетъ одна.

Вѣчно народной кровью пьяны,
Сытые вѣчно народной слезой,
Гнустные эти народа тираны
Все попираютъ собой.

И въ эту страшно тяжелую пору
Принуждены мы позорно молчать,
Или терпѣнью къ тупому позору
Темный народъ поучать.

Грозные мстители, встаньте-же что-ли!
Нѣтъ больше силъ, ни терпѣнія ждать!
Ржавыя цѣпи народной неволи
Время пришло разорвать.

Встань, подымайся все юное племя!
Встань весь народъ для расправы крутой!
Хищниковъ алчныхъ ненужное бремя
Съ плечъ поскорѣе долой!

РЕВОЛЮЦІЯ.

Изъ скрытыхъ жизни родниковъ
Течетъ предвѣчное движенье, —
Оно сильнѣе всѣхъ боговъ,
Оно разрушитъ ослѣпленье
Людскихъ сердецъ, людскихъ умовъ,
Какъ въ грозный часъ землетрясенье,
Основы храмовъ и дворцовъ.

Оно взволнуетъ мысль народа,
Какъ буря спящій океанъ; —
Народъ возстанетъ — кору гнета
Прорветъ, размечетъ, какъ волканъ!
Хоть туча влагою богата,
Но ей волкана не залить —
Такъ жизни вамъ не задавить
Рѣшеньемъ дряхлаго сената!

Да, лава хлынетъ и зальетъ
Дворцы и замки, и темницы!
Да, буря грянетъ и сорветъ
Съ васъ пышный пуриуръ багряницы!
Огонь святой любви къ свободѣ
Всегда силенъ, всегда живучъ;
Всегда таится онъ въ народѣ,
Какъ подъ землею скрытый ключъ;
И онъ родитъ вокругъ броженье,
Не устоитъ ничто предъ нимъ,
Какъ искра Вѣчнаго Движенья, —
Онъ никогда не загасимъ!

О. П.

«МАЛЬЧИШКА».

«Мальчишка» я!... Хотите вы сказать,
Что молодъ я, ничтоженъ, не опасенъ, —
Зачѣмъ же вамъ въ тюрьмѣ меня держать?
Зачѣмъ «мальчишка» такъ для васъ ужасенъ?

«Мальчишки» мы!... Зачѣмъ же поднимать
Вамъ изъ-за насъ такую суматоху?
Тревогу бить и голову терять,
И жертвы несть судебному молоху?

«Мальчишка» я!.. Пусть такъ; но вы то кто жь?
Идущіе съ дрекольемъ, толпами
На горсть «дѣтей», едва скрывая дрожь?
Васъ какъ назвать? Не доблести-ль мужами?

«Мальчишка» я!... Но знайте — мужъ стальной
Въ «мальчишкѣ» томъ стараньемъ вашимъ зрѣетъ!
Спасибо вамъ: спознался я съ тюрьмою —
Она во мнѣ кой-что посѣетъ...

И не на радость вамъ такой посѣвъ взойдетъ;
Клянусь, онъ будетъ вамъ на горе!
Узнаете, когда въ народномъ морѣ
Девятый валъ на вашъ корабль найдетъ!

О. П.

КРИЧИ!..

Кричи о равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ,
За правду честный бой безъ устали веди,
Греми на деспота проклятьемъ и въ народѣ
Сознаніе и мужество буди!

Кричи перомъ и словомъ, и примѣромъ,
Кричи при всѣхъ и всюду, и всегда,
Хотя-бъ тебя прозвали изувѣромъ
Солидные съ брюшками господа.

И пусть твои слова насмѣшкой дышатъ злою
И страстію кипятъ, какъ лава горячи,
И если крикъ твой кончится тюрьмою,
Припавъ къ рѣшеткѣ — все кричи!

И если деспотъ хищною рукою
Тебя за горло схватитъ, наконецъ,
И ты не въ силахъ будешь крикнуть: къ бою!
Хоть молча плюнь въ лицо ему, боецъ!

А, Черный.

* * *

Не то обидно мнѣ, что отнята свобода,
Покой, здоровье и семья,
Что въ мертвой тишинѣ и мглѣ глухого свода
Дня свѣтлаго не вижу я; —
Нѣтъ, если-бъ дали мнѣ свершить благое дѣло, —
Что мнѣ страданіе мое?
Я дѣлу правому отдался бы всецѣло, —
Свободу-бъ отдалъ, счастье — все!
Я знаю этотъ міръ: въ немъ, въ этомъ жалкомъ мірѣ
Такъ исковерканъ жизни строй,
Что всякъ, кто вздумаетъ взглянуть на жизнь пошире
Тѣмъ самымъ жертвуетъ собой.
О, еслибъ въ міръ внести хоть каплю правды чистой!
За это я готовъ страдать.
И, вѣрьте, жалобы на мой удѣлъ тернистый
Вамъ отъ меня-бъ не услыхать!
Но вотъ обидно что: я полонъ былъ желаній,
Я многое свершить хотѣлъ
Но я былъ взятъ еще среди однихъ мечтаній
И воплотить ихъ не успѣлъ.
И вотъ я здѣсь сижу, страдаю, трачу силы
Изъ за чего? — изъ за мечты!
А тамъ, на волѣ, за стѣной могилы,
Тамъ бой идетъ, тамъ нуженъ ты!

А. Чорный.

ТАМЪ И ЗДѢСЬ

Тамъ на западѣ далекомъ
Пролетарій бой ведетъ,
Крѣпнетъ онъ въ бою жестокомъ,
Крѣпнетъ, множится, растетъ.

Здѣсь, на пасмурномъ востокѣ,
Пролетарій крѣпко спитъ;
Онъ не думаетъ о срокѣ
Избавленія и молчитъ.

Но за то студентъ проснулся
И протеръ уже глаза,
И на западъ оглянулся:
Скоро-ль божія гроза?

Онъ работника разбудитъ,
Съ нимъ сольетъ свой интересъ
И съ нимъ объ-руку добудетъ
Хлѣбъ, свободу и прогрессъ.

1873 г. А. Чорный.

ВЪ НАРОДѢ.

Паспортъ, котомка,
Дюжина съ лишнимъ «изданій»,
Крѣпкія ноги,
Множество плановъ, мечтаній...

Нивы, покосы,
Свѣтлые виды, приволье...
Тракты глухіе,
Въ хатахъ мужицкихъ бездолье.

Но въ хатѣ каждой
«Страннику» хлѣбъ-соль готова...
Съ жадностью люди
Слушаютъ истины слова.

Въ селахъ жандармы,
Штрафы, оброки, поборы...
«Быть братцы бунту!»
Слышно кой-гдѣ въ разговорѣ.

Добрая почва:
Сѣмя тутъ ладно упало...
Ну-ка что дальше?
Пашни еще вѣдь не мало...

1874 г.

ПЕТРУ АЛЕКСѢЕВУ.

„Барству да маклачеству
„Неужли потворствовать ?!
Не хотѣлось молодцу
Кланяться, холопствовать !
Не взлюбило пылкое
Сердце, непокорное,
Путь-дорожку битую,
Путь-дорожку торную.
Правду неподкупную,
Божій свѣтъ увидѣла
Голова удалая
И — возненавидѣла
Долю подневольную,
Волюшку забитую,
Злобу окаянную,
Злобу ядовитую ;
Вызвать въ бой осмѣлилась
Гордо, безъ смущенія,
Царскую опричину,
Силу угнетенія.
Эхъ, и озлобились же
Подлостью богатые,
Палачи народные
Палачи проклятые!
Каменное, жосткое
Сердце ихъ грапитное

Ядомъ переполнилось.
Местью ненасытною.
Говорятъ удалому
Рѣчи ненавистныя:
„За свободомысліе,
„Чувства безкорыстныя.
„Да за жизнь рабочую,
„Трудную, да сѣрую,
„Получи наградушку
„Нашу полной мѣрою:
„Ты слюбился съ волюшкой,
„Что съ душой-дѣвицею,
„Такъ спознайся, молодецъ,
„Съ душною темницею.
„Не взлюбилъ ты горюшко,
„Жизнь раба бездольную
„Такъ ужъ выпей, молодецъ,
„Горя чашу полную.
„Чтобы гребню частому
„Не было заботушки,
„Этой непоклончивой
„Сбрѣемъ полъ-головушки;
„Въ звонѣ кандальника
„Битаго, голоднаго.
„Ройся въ адской темени
„Рудника холоднаго;
„Знай землицу-матушку
„Заступомъ покапывай,
„Пѣсни пой о волюшкѣ,
„Да цѣпьми побрякивай!
„Думалъ ты, для родины
„Цѣпи рабства пагубны, —
„Такъ добудь желѣзца намъ,
„Намъ на цѣпи надобно!
„А ужъ цѣпи выкуемъ,
„Такъ на славу: — тонкія,

„Хоть тяжеловатыя,
„Да, какъ гусли, звонкія.“
Голова удалая
Все-жъ не поклонилася,
Сердце молодецкое
Все-жъ не покорилося:
„Что-жъ! закуйте въ цѣпи меня
„И обрѣйте голову,
„Но не сброшу съ плечъ своихъ
„Я креста тяжелаго;
„Не бѣгу страданія, —
„Сила въ немъ великая, —
„Передъ нимъ разсѣется
„Ваша злоба дикая;
„На него помолится
„Весь народъ задавленный,
„Славой увѣнчается
„Вами обезславленный!“

Вербовчанинъ.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Здѣсь умирая въ казематахъ,
Мы завѣщаемъ всѣмъ друзьямъ
За муки бѣднаго народа
Отмстить врагамъ!

Самой судьбѣ бросайте вызовъ,
Ужъ разъ къ врагу она пошла,
Съ нимъ противъ братства и свободы
Въ союзъ вошла!

Когда же, въ часъ побѣды свѣтлой,
Разволновавшаяся кровь
Утихнетъ въ сердцѣ, — завѣщаемъ
Одну любовь.

Пускай тогда межъ вами, братья,
Не будетъ нищихъ, богачей,
Ни вѣчно загнанныхъ страдальцевъ,
Ни палачей!

Вы храмъ воздвигнете науки,
На мѣсто храма лжи и тьмы,
И храмъ свободы лучезарной
Взамѣнъ тюрьмы!

Пусть край родной не оглашаетъ
Ни стонъ страдающихъ людей,
Ни свистъ бича, ни громъ орудій,
Ни звонъ цѣпей!

Святая личность человѣка
И честность мысли и труда
Пускай находятъ уваженье
У васъ всегда!

Когда-жъ блеснетъ заря спасенья,
Настанетъ братства свѣтлый часъ,
Въ счастливой жизни вспомяните,
Друзья, и насъ!

Домъ Пред. Зак.

Вербовчанинъ

ОЛЬГѢ ЛЮБАТОВИЧЪ.(*)

Пѣснь надежды, пѣснь свободы,
Пѣснью чудную свою
Пѣла ты въ былые годы,
Угадавши грусть мою. (**)

Эта пѣснь въ меня вдохнула
Жажду къ подвигамъ святымъ,
На добро меня толкнула
Сердцемъ пылкимъ, молодымъ.

Тамъ, гдѣ гнетъ, гдѣ стонъ народный,
Доля скорбная, нужда,
Ты на подвигъ благородный
Безкорыстно шла туда.

И за преданность народу,
За любовь къ странѣ родной,
Судъ убилъ твою свободу,
Наградивши злой тюрьмой...

Ты страдаешь за свободу;
Такъ утѣшься: подвигъ твой
Будетъ памятенъ народу,
Какъ иконы ликъ святой.

Е. Н.

---

*) Пропагандистка семидесятыхъ годовъ, осужденная въ 1877 г. на 9 лѣтъ каторжныхъ работъ.

**) Авторъ этого стихотворенія — рабочій.

* * *

Закрылись тяжелыя двери тюрьмы,
Тюремщикъ засовы задвинулъ,
Ключи загремѣли... Одинъ я средь тьмы,
И міръ весь затѣмъ точно сгинулъ.
Ни звука. Лишь каменный сводъ надо мной,
Желѣзо. чугунъ .. да икона.
Никто не услышитъ, — умры иль запой,—
Ни пѣсни, ни тяжкаго стона.
Закрылись тяжелыя двери тюрьмы,
А сердце широко открылось
Для жизни, свободы и братской любви,
И вѣрой душа озарилась.
Не вѣрю, тюрьма, ни въ твердыни твои,
Ни въ силу и счастіе Креза.
А вѣрю въ одно лишь, что сила любви
Сильнѣй всѣхъ твердынь и желѣза.
Я вѣрю глубоко въ тотъ день золотой,
Когда въ эти душные своды
Вольется вдругъ воздухъ живою струей,
И звуки вольются свободы...
Увижу ли, нѣтъ ли я это живой,
Услышу ли, нѣтъ ли тѣ звуки,
Но съ вѣрой въ нихъ оживаю душой,
И легче становятся муки.

Петропавловская крѣпость,
1884 г.

ПАМЯТИ П. ТРУТКОВСКАГО. (*

Прощай товарищъ по страданьямъ!
Прими послѣдній нашъ привѣтъ!
Иди, — до скораго свиданья!
Туда, гдѣ стоновъ скорби нѣтъ;

Гдѣ не гремятъ рабы цѣпями,
Гдѣ вѣчный царствуетъ покой,
Гдѣ изъ безсмертниковъ вѣнками
Вѣнчаетъ смерть того межъ нами,
Кто гибнетъ въ битвѣ роковой;

Гдѣ всѣ равны, гдѣ всѣ лишь братья
Гдѣ нѣтъ тюрьмы, ни палачей,
И гдѣ природа-мать въ объятья
Зоветъ свободы сыновей!

Внимая радостному вою
Шакаловъ, скоро всѣ туда
Пойдемъ мы слѣдомъ за тобою:
Здѣсь человѣку и герою
Есть только кара, — нѣтъ суда!

*) Умеръ въ 1877 г. въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, просидѣвъ тамъ около четырехъ лѣтъ.

***

Кто сердца въ груди не имѣетъ,
Въ комъ чувство любви къ людямъ спитъ,
Кто скорбью страны не болѣетъ,
Пусть прямо намъ тотъ говоритъ:
«Преступники — казни достойны,
«И казни васъ всѣхъ предадутъ!»
Казните! Мы, судьи, спокойны...
За нами другіе пойдутъ.
Какъ насъ, ихъ страданія народа,
Насиліе, гнетъ, произволъ
Подвинутъ для казни урода,
Занявшаго царскій престолъ.
Какъ мы, и они всѣ дорогу
Узнаютъ, какую избрать,
Узнаютъ, какому имъ богу
Всю жизнь свою страстно отдать....
Имъ, братьямъ своимъ по идеѣ,
Мы вѣру оставимъ свою:
Враги наши нынѣ сильнѣе,
Но мы побѣдимъ ихъ въ бою!
А вамъ всѣмъ лже-судьи, лакеи
Тирана и власти слѣпой,
Исторія пишетъ своею
Рукой приговоръ роковой!

1-го іюня. 1887 г.

С — нъ.

* * *

Въ часъ, когда живой волною
Мысль, проснувшись, закипитъ,
Злымъ укоромъ предо мною
Образъ родины стоитъ.

Гдѣ въ былые дни, лаская,
Какъ подснѣжные цвѣты,
Пробивались, выростая,
Упованья и мечты.

Гдѣ, теперь однѣ страданья,
Муки вѣчно новыхъ ранъ,
Гдѣ послѣднія мечтанья,
Смелъ безумный ураганъ.

Гдѣ опоры нѣтъ въ законѣ,
Гдѣ въ сердца вселяя страхъ,
Все постыдное — въ коронѣ
И все доброе — въ цѣпяхъ.

Гдѣ угрюмо затмѣвая
Проблескъ мысли, правды свѣтъ,
Губитъ сила роковая
Жизни трепетный разцвѣтъ.

Гдѣ зарею обновленья
Не сіяетъ небосклонъ,
И царитъ краса правленья,
Изолгавшійся шпіонъ.

ПРИЗЫВЪ.

Бросимъ прочь мы сомнѣнія гнетущія,
Смѣло жизни посмотримъ въ глаза,
Стыдно намъ свои силы цвѣтущія,
Стыдно юность сгубить безъ слѣда.
Стыдно намъ съ малодушной тревогою
Безъ борьбы съ поля битвы бѣжать;
Смѣло двинемся трудной дорогою,
Будемъ правды и свѣта искать!

Пусть борьба тажела,
Пусть гнетуще мрачна
Непроглядная ночь безразсвѣтная,
Но на битву со зломъ
Всѣ мы смѣло пойдемъ,
Куда цѣль намъ укажетъ завѣтная!

Пусть идутъ проторенной дорогою
Милліоны трусливыхъ рабовъ,
Примиренныхъ душою убогою,
Притерпѣвшихся къ гнету оковъ.
Но съ надеждой и вѣрою чистою
Въ гибель царства неправды и тьмы
Всѣ пойдемъ мы дорогой тернистою
Для тяжелой, но славной борьбы!

Всѣ пойдемъ мы впередъ,
Не страшася невзгодъ,
Смерть встрѣчая съ улыбкой презрительной;
Жизнью рабскою жить,
Цѣпи рабски влачить —
Для насъ пытки и казни мучительнѣй!...

ІЕГОВА.

Не вѣрю я въ величіе Іеговы,
Не вѣрю я въ отжившія основы, —
Богъ самовластья, ненависти богъ
Разоблаченъ страданьями вѣковъ.

Онъ создалъ алтари, рабовъ, проклятья,
Неравенство, ужасныя изъятья,
Онъ первый мысль свободную сковалъ,
Людей отъ древа знанья отогналъ.

Онъ научилъ нѣмому послушанью,
Безсмысленному, тупому упованью,
Онъ ненавистенъ мнѣ, онъ проклятъ мной —
Духъ косности, зовущійся Іеговой !

СУЛТАНЪ МУРАДЪ

(Восточная легенда)

«Отъ робости дрожащими устами
«Едва дерзавшихъ лепетать
«Заставишь насъ ты пыткой и мечами
«На вѣки замолчать;
«Но вѣрь, палачъ, настанетъ мигъ отмщенья,
«Когда изъ грозной темноты
«Возопіютъ холодные каменья, —
«Молчать же будешь ты!

Такъ говорили нѣкогда султану
Три отрока, влекомые на казнь.
Убили ихъ, но въ глубинѣ души къ тирану
Закралася боязнь.
Онъ окружилъ себя безчисленною ратью,
Обвелъ дворецъ кольцомъ высокихъ стѣнъ
И въ немъ засѣлъ, какъ преданный проклятью,
Какъ тигръ, попавшій въ плѣнъ.

Среди дворца подъ каменные своды
Онъ повелѣлъ устроить тайный ходъ,
И подъ землей тѣ мрачные проходы
Замкнули пять воротъ, —
Всѣ пять воротъ изъ черныхъ плитъ желѣзныхъ,
На каждой три желѣзные замка,
Чтобъ дрогнула въ усильяхъ безполезныхъ
Отважная рука!

Но въ тотъ дворецъ такъ тщательно хранимый,
На зло замкамъ вѣнчаннаго раба,
Вселился духъ, какъ месть, неумолимый
И грозный, какъ судьба.
Въ ночной тиши порой рождались звуки,
И въ вышинѣ носилась чья-то рѣчь:
«Погибнешь ты, въ крови омывшій руки,
«На насъ поднявшій мечъ!

Султанъ Мурадъ разъ, словно привиденье,
Въ глухую ночь бродилъ съ конца въ конецъ,
Вдругъ слышитъ онъ: «Позоромъ преступленья
«Ты запятналъ вѣнецъ:
«Народъ твой нищъ, сыта отъ крови плаха.»
И дрогнулъ онъ.. по темному двору
Онъ кинулся отъ бѣшенства и страха,
Какъ звѣрь, въ свою нору.

По лабиринту темныхъ переходовъ
Съ ключемъ въ рукѣ блуждаетъ дико онъ,
Вдругъ грянули каменья горныхъ сводовъ
Ему со всѣхъ сторонъ:
«Твой часъ пришелъ, свершается отмщенье,
«Ты вспомни, царь: средь грозной тишины
«Возопіютъ холодные каменья,
«Молчать же будешь ты!...

Что было тамъ, подъ этимъ чернымъ сводомъ,
Никто не зналъ. Предчувствіемъ томимъ,
Любимый рабъ со стражей и народомъ
Съ зарей пошелъ за нимъ.
И въ далекѣ, объятой тишиною,
Онъ, наконецъ, султана отыскалъ:
Одинъ во тьмѣ, загадкою нѣмою,
Холодный трупъ лежалъ!

Х. Д.

ОНЪ.

Исторія зоветъ его на спѣшную работу,
И много отъ него наивно ждетъ народъ,
Но некогда ему: онъ ѣдетъ на охоту,
Но некогда ему: онъ ѣдетъ на разводъ.

Отъ горсти смѣльчаковъ усердно охраняя
Жизнь безполезную, не глядя на законъ,
Свирѣпствуетъ жандармовъ шайка злая,
И правитъ родиной шпіонъ!

А онъ отогналъ всѣ заботы, —
Что до того ему, что цѣлый ждетъ народъ,—
Вѣдь некогда ему: онъ ѣдетъ на охоту,
Вѣдь некогда ему: онъ ѣдетъ на разводъ!

ДУБИНУШКА.

Много пѣсенъ слыхалъ я въ родной сторонѣ,
Про радость и горѣ въ нихъ пѣли;
Изъ всѣхъ пѣсенъ одна въ память врѣзалась мнѣ,
Это пѣсня рабочей артели:

Ой, дубинушка, ухнемъ!
Ой, зеленая, сама пойдетъ. (2 раза)
Подернемъ (2 р.)! Ухъ!

И отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ сыновьямъ
Эта пѣсня идетъ по наслѣдству,
И лишь только какъ станетъ работать не вмочь,
Мы къ дубинушкѣ, какъ къ вѣрному средству.

Ой, дубинушка... и т. д.

Говорятъ, что мужикъ нашъ работать лѣнивъ,
Пока не взбороздятъ ему спину,
Ну, такъ какъ же забыть нашъ родимый мотивъ
И не пѣть про родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Англичанинъ — хитрецъ, чтобъ работѣ помочь,
Изобрѣлъ за машиной машину,
А нашъ русскій мужикъ, коль работа не въ мочь,
Такъ затянетъ родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Тянемъ съ лѣсомъ судно, иль желѣзо куемъ,
Иль въ Сибири руду добываемъ,
Съ мукой, съ болью въ груди одну пѣсню поемъ,
Про дубину въ ней все вспоминаемъ.

Ой, дубинушка... и т. д.

И на Волгѣ рѣкѣ, утопая въ пескѣ,
Мы ломаемъ и ноги и спину,
Надрываемъ тамъ грудь и, чтобъ легче тянуть,
Мы поемъ про родную дубину.

Ой, дубинушка... и т д.

Пускай мучатъ и бьютъ, пускай въ цѣпи куютъ,
Пусть терзаютъ избитую спину,
Будемъ ждать и терпѣть и въ нуждѣ будемъ пѣть
Все про ту же родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Мы пируемъ при блескѣ огней на балахъ,
И шутя мы поемъ про дубину,
А забыли о тѣхъ, кто сидитъ въ кандалахъ
Все за ту же родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

Но вѣдь время придетъ, и проснется народъ:
Развернетъ онъ избитую спину
И въ родимыхъ лѣсахъ на враговъ подберетъ
Здоровѣе и крѣпче дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

ПЛЯСОВАЯ.

Полно, братцы, плакать, горьки слезы лить,
Своего намъ горя этимъ не избыть,
Проживемъ мы и въ Сибири какъ-нибудь,
Такъ не лучше-ль плясовую затянуть?

Лобъ забрили, заковали въ кандалы,
Въ чужедальнюю сторонку повели,
Да еще конвой намъ дали для пути,
Что бы, значитъ, попочетнѣе идти.

Ну такъ что-жь такое, братцы? Наплевать!
Изъ-за малости такой не горевать!
Мы еще себѣ дождемся красныхъ дней,
И себя еще потѣшимъ, и людей!

Полно-жъ, братцы, плакать, горьки слезы лить,
Своего намъ горя этимъ не избыть,
Проживемъ мы и въ Сибири какъ-нибудь,
Такъ не лучше-ль плясовую затянуть?

Кар...

ВПЕРЕДЪ!

(Не изданное)

Go ahead!

Впередъ, люди братья, во имя познанья,
Во имя отчизны, во имя любви!
Впередъ, хоть дорогой тяжелой страданья!
Впередъ, хоть въ горячкѣ! впередъ, хоть въ крови!

Вокругъ насъ морозъ усыпительной лѣни
И мелкихъ тщеславій продажный разсчетъ.
Кто сталъ среди жизни, кто сталъ средь движенья,
Тотъ сномъ непробуднымъ подъ хладомъ заснетъ;
И съ каменнымъ мозгомъ, и съ каменнымъ сердцемъ
Холодной статуей стоя средь людей,
Въ посмѣшище вѣку, въ укоръ одновѣрцамъ,
Онъ будетъ чужимъ для отчизны своей.
Онъ чуждъ будетъ братьямъ; онъ чуждъ будетъ вѣку;
Онъ чуждъ будетъ дѣтямъ своей же семьи, —
Бездушный свидѣтель для дѣлъ человѣка,
Ненужное бремя родимой земли.

Я слышу укоры толпы утомленной,
Слугъ жалкихъ былого, изжившихъ дѣтей:
«Къ чему ты зовешь насъ на путь отдаленный?
«Къ чему недовольство судьбою своей?
«Не хуже ли будетъ въ далекомъ стремленьи?
«Вся цѣль человѣка — безстрастный покой.
«Что намъ неизвѣстно — одно обольщенье;
«Мы знаемъ лишь то, что достанемъ рукой.
«Насъ въ прошломъ лелѣютъ завѣтныя сказки,
«Святыя преданья минувшихъ временъ;
«Пускай это грезы, но нашей повязки
«Мы съ глазъ не снимаемъ: намъ дорогъ нашъ сонъ.
«Смотри: милліоны питаетъ былое;
«Подъ каждымъ листочкомъ живетъ паразитъ.
«Оставь ихъ дремать тамъ въ безбѣдномъ покоѣ:
«За что ихъ гнѣздо твой ударъ раззоритъ?
«Зачѣмъ ты стремишься внести разрушенье
«И слезы и муки въ спокойный нашъ міръ?
«Къ чему намъ познаньe? Къ чему намъ движенье?
«Покой — наша радость, покой — нашъ кумиръ.

Нѣтъ въ мірѣ покоя: вездѣ измѣненье;
Повсюду могучія силы кипятъ;
Вѣка другъ за другомъ сменяютъ, какъ мгновенья:
Впередъ что не можетъ, пошло то назадъ.
Несется съ планетами солнце куда-то;
Ногой попираемъ мы сотни вѣковъ,
И смотрятъ уныло на волны Еврата
Дворцы Вавилона изъ дикихъ холмовъ.
И мчится впередъ неусыпное время,
Бросая намъ мысли, вопросы, мечты,
Землей засыпая отцовъ нашихъ племя,
Зовя насъ въ путь правды, добра, красоты;
Напрасны всѣ жертвы, напрасны молитвы —
Оно не отдаетъ намъ единаго дня;
И тщетно былое идетъ съ нимъ на битву:

Для времени нѣтъ ни меча, ни огня.
За вѣрою вѣру оно отнимаетъ,
И царства падутъ подъ его топоромъ.
Въ крови поколѣній оно создаетъ
Грядущее благо надъ нынѣшнимъ зломъ.
Среди заблужденій растетъ въ немъ наука;
Средь рабства и скорби растетъ человѣкъ.
И дѣды страдаютъ для радости внука..
Впередъ насъ зоветъ девятнадцатый вѣкъ.

Впередъ же безъ страха! Впередъ безъ сомнѣнья!
Впередъ безъ оглядки! Впередъ намъ пора.
Средь дикаго лѣса должно поколѣнье
Пробить путь для знанья, любви и добра!
Конечно, изященъ лѣсъ дикой природы,
И цѣлое племя звѣрей въ немъ живетъ;
Конечно, ихъ хищная сгибнетъ порода,
И много безсильныхъ въ работѣ падетъ.
Но благо должно совершить свое дѣло;
Но правда должна побѣдить на землѣ.
Впередъ же! Въ работу спокойно и смѣло
Съ сознаніемъ силы на ясномъ челѣ.

Да рухнутъ, стоная, дубы вѣковые:
Они заграждаютъ дорогу къ добру;
Гнѣздятся въ нихъ змѣи; ихъ дупла пустыя
Да вырвутся съ корнемъ на жертву костру!
Да рухнетъ царей беззаконныхъ держава!
Да рухнутъ умершихъ боговъ алтари!
Да царствуетъ разумъ! Да царствуетъ право!
Да свѣтитъ намъ солнце грядущей зари!
Да міръ оживится дыханьемъ свободы!
Да цѣпи преданья падутъ навсегда!
Да братьями станутъ земные народы
На принципѣ знанья, любви и труда!

Пусть гибнутъ ненужныхъ людей поколѣнья!
Пусть хищники гибнутъ на славу труда!
Пусть гибнутъ питомцы бездарные лѣни!
Пусть гибнутъ враги, паразиты труда!
Пусть плачетъ и стонетъ ихъ жалкое племя
Обрекъ его смерти исторіи судъ;
Летитъ, все летитъ неусыпное время
И волны грядущаго вѣчно растутъ.
Быть можетъ, мы ляжемъ кровавою жертвой,
Другимъ завѣщая цѣль жизни своей;
Тогда пусть живымъ возглаголаетъ мертвый
Впередъ! все впередъ! черезъ трупы друзей!

Да будемъ мы, братья, орудія жизни!
Да будемъ орудія правды святой!
Да служимъ мы словомъ и дѣломъ отчизнѣ!
Да смѣло идемъ по дорогѣ прямой!
Впередъ! Да погибнетъ все сердцемъ гнилое!
Все то, что отжило, пусть смертью умретъ
Впередъ! Да возстанетъ все духомъ живое!
Во имя свободы и правды — впередъ!

Марта 1857 г.

Л.

РОЖДЕНІЕ МЕССІИ.

Когда-то шли толпы въ соборы
Почтить ту ночь, когда съ высотъ
Гремѣли херувимовъ хоры,
Благую вѣсть неся въ народъ:
„Родился въ бѣдности Мессія;
„Родился въ ясляхъ царь міровъ.
„Онъ прекратитъ вражды земныя,
„Онъ уврачуетъ боль рабовъ,
„Онъ сломитъ цезаря гордыню,
„Онъ фарисея обличитъ,
„Разрушитъ идоловъ святыню,
„Любовь и правду водворитъ. „

Вѣка минули за вѣками,
Но всюду царствуетъ вражда;
Народовъ кровь течетъ рѣками;
Для фариссевъ нѣтъ суда;
Подъ лицемѣріемъ закона
Рабъ голода живетъ рабомъ,
И на бессмысленные троны
Съ небесъ не низлетаетъ громъ.

Любви и правды отъ Мессіи
Народы перестали ждать;
Не сходятъ ангелы святые
Земное зло уврачевать.

Безсильны жаркія молитвы
Безсильны Будды и Христы
Среди безчеловѣчной битвы,
Среди безумной суеты...
Встань, человѣкъ! Ты мертвый идолъ
Своей любовью оживилъ.
Ему свою ты силу придалъ
Себя въ Христѣ ты воплотилъ;
Благую вѣсть освобожденья
Ты самъ въ душѣ своей пропѣлъ.
Ты чуда ждешь? пришло мгновенье:
Иди на путь чудесныхъ дѣлъ!

Иди! Да возстаютъ народы!
Да прозрѣваютъ всѣ слѣпцы!
Вѣсть братства, равенства, свободы
Да грянетъ въ міръ во всѣ концы!
Да встанетъ изъ своей могилы
Работникъ-Лазарь навсегда!
Да рухнутъ царства грубой силы!
Да придетъ грозный день суда!
Да воцарится правда всюду!
Да обновится міръ трудомъ!
Иди, свершай земное чудо!
Самъ для себя будь божествомъ!

Придешь ты грознымъ судіею
Съ мечемъ и пламенемъ въ рукахъ;
Ложь затрепещетъ предъ тобою;
Кумиры зла падутъ во прахъ.

Народы въ день освобожденья
Скрѣпятъ свой братскій договоръ,
И новое раздастся пѣнье:
Благая вѣсть! Священный хоръ!
Мессія истинный родился;
Онъ началъ правды, братства вѣкъ;
Онъ въ нашемъ дѣлѣ воплотился —
Всесильный богочеловѣкъ!

Парижъ, 25 дек. 1870 г.

Л.

Н. П. ОГАРЕВУ.

(Неизданное)

Поклонъ борцу минувшихъ лѣтъ
На новый день его рожденья!
Пусть приметъ дружескій привѣтъ
Во имя вѣчнаго движенья,
Во имя боя всѣхъ вѣковъ
За справедливость и свободу,
Во имя всѣхъ живыхъ борцовъ
За благо русскаго народа.
Мы помнимъ «Колокола» звонъ!
Онъ разбудилъ отъ сна Россію;
И вотъ теперь со всѣхъ сторонъ
Идутъ на бой борцы иные.
Идутъ въ измученный народъ,
Идутъ въ голодныя селенья;
Всѣхъ русскихъ голосъ ихъ зоветъ
Въ бой за народное спасенье.
Пусть ихъ казнитъ лакейскій судъ;
Пусть ихъ измучатъ палачами;
Пусть ждетъ ихъ смерть: они несутъ

Въ народъ свое святое знамя.
То знамя общаго труда,
То знамя братства и науки,
И не опустятъ никогда
Его израненныя руки.
Въ побѣду вѣруютъ они,
Въ побѣду правды и свободы;
Придутъ, придутъ святые дни,
Возстанутъ спящіе народы
Пройдетъ безуміе вѣковъ,
Пройдутъ ихъ вѣчныя страданья,
И кровью нынѣшнихъ борцовъ
Скрѣпится будущее зданье.
Тогда, въ день свѣтлый торжества,
Людей счастливыхъ поколенья
Сочтутъ дѣла, прочтутъ слова
Борцовъ за ихъ освобожденье,
Припомнятъ въ прошломъ рядъ именъ
Тѣхъ, что за истину страдали,
И грозный «Колоколъ» звонъ
Запишутъ въ вѣчныя скрижали.

1876 г.

Л.

ПѢСНЯ НЕНАВИСТИ.

(Изъ Гервега)

(Не изданное)

Впередъ! скорѣй! чрезъ рѣки, черезъ горы
Зарѣ на встрѣчу молодой.
Послѣдній поцѣлуй для милой, ласка взора. .
И въ бой, скорѣе въ грозный бой!

Мы взяли въ руки мечъ: пока онѣ не сгнили,
Мы не должны разстаться съ нимъ.
Довольно мы враговъ своихъ любили,
Мы ненавидѣть ихъ хотимъ.

Нѣтъ, нѣтъ: любовь не дастъ рабамъ свободы,
И нѣтъ спасенія въ любви.
Ты, ненависть, суди враговъ народа!
Ты, ненависть, оковы разорви.

Тамъ, гдѣ тираны тронъ свой нагло утвердили,
Престолъ мы въ щепки обратимъ.
Довольно мы враговъ своихъ любили:
Мы ненавидѣть ихъ хотимъ.

Пусть въ сердцѣ всѣхъ, въ комъ сердце страстью [бьется,
Царитъ лишь ненависти жаръ.
Готовъ костеръ; довольно дровъ найдется,
Чтобъ на весь міръ разжечь святой пожаръ.

Вы всѣ, борцы земли, что для свободы жили,
Кричите братіямъ своимъ:
Довольно мы враговъ своихъ любили,
Мы ненавидѣть ихъ хотимъ.

Разите же враговъ не уставая,
Разите смѣлою рукой.
И будетъ вамъ та ненависть святая
Священнѣе любви святой.

Мы взяли въ руки мечъ: пока онѣ не сгнили,
Мы не должны разстаться съ нимъ.
Довольно мы враговъ своихъ любили,
Мы ненавидѣть ихъ хотимъ.

Л.

ПѢСНЯ ЮНОСТИ.*)

Весело! Шумно! Здѣсь, жизнь молодая.
Ты свой чертогъ создаешь.
Горе, нужду и труды забывая,
Пляшетъ, поетъ молодежь.
Хохотъ и шутки. Стаканы сверкаютъ
Краснымъ, дешевымъ виномъ.
Это изгнанники праздникъ встрѣчаютъ...
Юности пѣсню споемъ!

«Голодъ и холодъ, и муки изгнанья,
«Долгіе годы тюрьмы,
«Трудъ непрестанный и горе скитанья —
«Все это вынесли мы.
«Все это завтра и снова, и снова,
«Молча, спокойно снесемъ.
«Что намъ сегодня до завтра лихова!
«Юности пѣсню споемъ!

---

*) Написано по поводу встрѣчи Новаго Года русскими политическими эмигрантами въ Парижѣ

«Полночь! Годъ Новый! Его на чужбинѣ
«Встрѣтимъ мы крикомъ: ура!
«Знаемъ: онъ дастъ намъ все то же, что нынѣ;
«Не принесетъ онъ добра.
«Будемъ работать за грошъ, за копѣйку,
«Мыкаться ночью и днемъ.
«Ну ее къ черту, заботу-злодѣйку!
«Юности пѣсню споемъ!

«Тише! За братьевъ далекихъ, любимыхъ.
«Молча поднимемъ стаканъ.
Тамъ они бьются, тамъ мучитъ родимыхъ,
«Тянетъ ихъ жилы тиранъ.
«Всѣ мы готовимся къ грозному бою;
«Всѣ мы оружье куемъ.
«Будь то, что будетъ! Предъ мрачной судьбою
«Юности пѣсню споемъ!

«Встрѣтимъ мы весело, встрѣтимъ мы смѣло
«Новый родившійся годъ.
«Будемъ мы биться за братское дѣло,
«Биться за бѣдный народъ.
«Рухните старые, злые кумиры!
«Радостно мы развернемъ
«Красное знамя, стягъ юнаго міра!
«Юности пѣсню споемъ!»

Парижъ, 1 января 1880 г.

Л.

14-е ЮНЯ 1893 ГОДА.

(Семидесятипятая годовщина дня рожденія П. Л. Лаврова)

(Не изданное)

Товарищи, соратники и братья,
Вы всѣ, кто здѣсь, и тѣ, кого здѣсь нѣтъ,
Раскройте шире братскія объятья
И — безъ различія лѣтъ, идей и платья —
Сольемъ весь пылъ
И чувствъ, и силъ
Въ одинъ сердечный, родственный привѣтъ!

Тому, въ сердца кто многихъ поколеній
Добра и правды искру заронилъ, —
Тому, кто ядъ мучительныхъ сомнѣній
Не разъ разумнымъ словомъ исцѣлилъ, —
Кто говорилъ намъ вѣчно о народѣ,
Кто насъ училъ значенью слова «трудъ»,
Кто въ насъ питалъ любовь къ святой свободѣ
И тиранію громко звалъ на судъ, —
Чей умъ и въ счастьи и въ несчастьи,
И въ вѣдро, и въ ненастье
Всегда любовью свѣтлой былъ согрѣтъ, —
Тому сегодня семьдесятъ пять лѣтъ!

Какъ много лѣтъ! — и лѣтъ завидныхъ, честныхъ,
Въ трудѣ прожитыхъ, умныхъ, славныхъ лѣтъ,
Оставившихъ въ безчисленныхъ, безвѣстныхъ
Сердцахъ живой, неизгладимый слѣдъ!

Еще намъ дай такихъ годовъ, — поболѣ!
И не тверди, что ты старикъ! Нѣтъ, нѣтъ!
Кто бороздитъ, какъ ты, науки поле
Булатомъ мысли въ семдесятъ пять лѣтъ, —
Въ комъ для добра, какъ прежде, сердце бьется
И идеалъ горитъ святымъ огнемъ, —
Въ комъ стонъ земли родимой отдается
Живою болью, какъ ударъ ножемъ
И въ чьей душѣ родное лихолѣтье,
Какъ встарь, родитъ негодованья крикъ, —
Тотъ не старикъ! Нѣтъ, нѣтъ, тотъ не старикъ,
Хотя-бъ онъ прожилъ цѣлое столѣтье!

Берите-жь кубки ваши!
Звените громче, чаши!
И въ этотъ свѣтлый мигъ
Пусть шире раздается,
Пусть далеко несется
Нашъ дружный, нашъ заздравный,
Нашъ общій, братскій крикъ:
Да здраствуетъ нашъ славный,
Нашъ молодой старикъ!

Ф. Волховскій.

*
* *

(Не изданное.)

Въ отдаленномъ краю, за Уральскимъ хребтомъ,
Въ неприглядной, холодной Сибири,
Окруженный глухими снѣгами и льдомъ,
Отдѣленный насильно отъ міра,
Стану я коротать молодые года,
Замѣнивши неволю неволей,
Утѣшаясь тяжелой порой иногда,
Что служилъ я хоть чѣмъ нибудь волѣ!
Что хоть мало принесъ я родимой странѣ,
Но всегда для нея я трудился,
Что не жили корыстныя мысли во мнѣ,
Что всегда къ ея благу стремился!
Не страшна мнѣ Сибирь и безмолвье лѣсовъ,
Ея тундры и мертвыя степи,
Не страшны и трескучій морозъ, и снѣговь
Бурный вѣтеръ, и желѣзныя цѣпи,
Лишь бы дѣло нашелъ я по силамъ себѣ,
Лишь бы могъ я работѣ отдаться! —
И тогда и въ Сибири, и въ мертвой тайгѣ
Я не буду тоскѣ поддаваться!...
Прочь безцѣльныя муки и горе-тоска!
Впереди новый міръ развернется!
Гдѣ живетъ лишь народъ, тамъ работа всегда
Для желающихъ мигомъ найдется!

Августъ 1887 г.

Б. Н. Гейманъ.

2-ое (14) ІЮЛЯ 1889 г.

(Не изданное)

Пойте товарищи! Пѣсней веселою,
Можетъ быть, думы отгоните прочь!
Только зачѣмъ въ эту пѣснь тоскливая
Нотка, забравшись, напомнила ночь,

Степи безлюдныя, цѣпи желѣзныя,
Дальняго сѣвера лютый морозъ
И молодыя надежды разбитыя,
И неоглядное кладбище грезъ!...

Пойте, товарищи, пѣсни веселыя!
Ровно сто лѣтъ, какъ Бастилья взята;
Нынче пируетъ весь міръ образованный
Память побѣды свободы, труда!...

Что-жъ вы задумались? Развѣ не радостно
Вспомнить о дальней побѣдѣ своей?
Только зачѣмъ тутъ рѣшетки желѣзныя?
Только зачѣмъ эти звуки цѣпей?...

Полно-те, братцы! что цѣпи желѣзныя!
Тѣломъ мы скованы, — духомъ вольны!
Если гнететъ насъ дѣйствительность горькая,
Вспомнимъ прошедшіе годы и дни!

Пойте, товарищи, пѣсни веселыя!
Мрачныя думы гоните скорѣй!

2 Іюля 89 г.
Якутсій Тюр. Замокъ.

Б. Н. Гейманъ.

МИТѢ*)

(Не изданное)

Ударитъ часъ, какъ тяжкій сонъ
Въ нѣмую даль нашъ вѣкъ уйдетъ.
Лучемъ свободы озаренъ,
Счастливый, новый міръ блеснетъ
Волшебной сказочной мечтой;
Изъ окровавленныхъ могилъ
Онъ, гордый, юный, полный силъ
Придетъ, сіяя красотой!
И ты, дитя, придешь тогда
Въ тотъ міръ; проклятья старынѣ
Раскроютъ чистыя уста
И громко зазвучатъ онѣ!
И изъ за нихъ нашъ темный міръ
Не омрачитъ вашъ чудный міръ!...
Тогда поймешь-ли ты, дитя,
Борьбу кровавыхъ грозныхъ дней,
Когда мечту въ душѣ тая,
Подъ лязгъ и гулкій звонъ цѣпей

---

*) Малолѣтній сынъ Когана-Бернштейна, повѣшеннаго въ Якутскѣ 7-го августа 1889 года.

Мы день и ночь вели въ бою?
Когда не только жизнь свою,—
Мы душу въ жертву принесли
И васъ на старческихъ плечахъ
Увлекши вдаль, отъ тьмы спасли?
Не прозвучитъ-ли на устахъ
Укоръ жестокій? О, дитя!
Нашъ вѣкъ былъ мрачный, грозный вѣкъ,
А вашъ счастливый! Въ немъ, шутя,
Живетъ свободный человѣкъ!
Когда-бы нашъ долгій, долгій бой
Не безпощадностью дышалъ,
Тогда-бъ и вашъ міръ былъ иной
И онъ бы грезой не сіялъ!...

3 августа 1889 г.,
якутская тюрьма.

Б. Н. Гейманъ.

НОВОСЕЛЬЕ

(Посвящается новичкамъ Петропавл. Крѣпости.

(Не изданное)

Эхъ! и плохіе пришли времена!
Въ крѣпость попалъ ты, мой милый!
Мертвая всюду царитъ тишина,
Изрѣдка звонъ лишь унылый.
Ну да вѣдь ночь, а какъ утро придетъ, —
Все-жъ веселѣе, братъ, станетъ.
Завтра увидишь ты здѣшній народъ;
Новая жизнь настанетъ.
Завтра начнешь ты подслушивать шумъ,
Звуки разгадывать будешь.
Только поменьше мучительныхъ думъ:
Скоро здоровье погубишь.
Лучше спокойно и кротко сноси
Долю свою роковую.
Много сыновъ здѣсь родимой Руси
Сносятъ тоску гробовую.
Многіе годы сидятъ здѣсь и ждутъ
Долгіе, долгіе годы!
Что то они имъ въ концѣ принесутъ,
Можетъ, лишь Шлюссельки своды?

Спи же, родимый, спокойно усни!
Завтра дадутъ тебѣ книгу,
Съ ней скоротаешь тюремные дни.
Братскую съ ней свяжешь лигу.
Въ книгахъ найдешь ты не разъ и не два
Вѣры своей подтвержденье.
Въ нихъ ты увидишь, какъ часто злоба
Честныхъ гнела въ заключеньи.
Скажутъ онѣ: нѣтъ вѣрнѣе пути,
Кромѣ борьбы той кровавой,
Что завязалась давно на Руси
Съ этой безумной оравой
Низкихъ холоповъ чурбана царя,
Губящихъ правду, свободу,
Разумъ, науку; ведущихъ шутя
Сотни людей къ эшафоту.
Скажутъ онѣ, что настанетъ пора —
Насъ, можетъ быть, ужъ не будетъ —
Сброситъ народъ нашъ съ престола царя,
Землю и волю добудетъ.
Спи же пока, братъ, спокойно усни;
Будь до конца дѣлу вѣренъ,
И на вопросы жандармамъ скажи,
Что отвѣчать не намѣренъ.

Петропавловская крѣпость

О.

* * *

(Не изданное)

Не рыдай такъ безумно надъ павшимъ въ борьбѣ
Другомъ, сильно тобою любимымъ.
Покорись роковой, неизбѣжной судьбѣ
И не мучь свое сердцѣ тоскою.
Не вернешь никогда то, что смертью отнято,
Не воскреснетъ зарытый въ могилу;
Если буря порывомъ однихъ унесла —
Не убить же другимъ свою силу
Безполезною мукой, безплодной тоской,
Разъѣдающимъ душу сомнѣніемъ.
Вѣрь! и знамя борьбы еще сильной рукой
Держи смѣло и гордо съ терпѣньемъ.
Вѣрь, что жертвы борьбы этой страшной, глухой
Не безпользы, не сгинутъ безслѣдно:
Ихъ заслуги припомнятъ счастливой порой,
Когда кликъ разнесется побѣдный.
Пусть же кровь нашихъ братьевъ, погибшихъ въ [борьбѣ
Возродитъ твою силу, отвагу,
Чувство мести кровавой возбудитъ въ тебѣ
И стремленье къ народному благу.

Страшныя въ жизни творятся явленья:
Гибнутъ одно за другимъ поколенья
Юныя, лучшія съ силой могучею
Съ братской любовью къ народу родному.
Гибнутъ, а все-жъ ихъ идея живучая —
Вѣчный укоръ всему пошлому, злому —
Двигаетъ новыя рати отважныя
Въ битву съ тиранами злыми, продажными.
Смѣло несутъ свою жизь благородную
Въ жертву за жизнь и свободу народную.
И никогда эту силу великую
Не сокрушитъ злоба лютая, дикая.
Но, какъ потокъ, берега размывающій
Въ бурную осень предѣловъ не знающій,
Родина мать, разольешься и ты,
Съ корнемъ негодные вырвешь кусты
И на очищенной почвѣ свободной
Счастье взростишь ты на нивѣ народной.

Петропавловская крѣпость.

О.

УЗНИКЪ.

Была семья — семья разбита...
Друзья? — но гдѣ они теперь?
Какъ въ темной ямѣ, мысль зарыта,
И радость жизни подло скрыта:
Онъ запертъ, словно дикій звѣрь!

Пропитанъ каждый мигъ сознаньемъ
Тупого торжества невѣждъ,
И ядомъ порванныхъ надеждъ,
И даже сонъ усталыхъ вѣждъ
Отравленъ часовыхъ бряцаньемъ.

Онъ жилъ. Онъ бился. Онъ вложилъ
Въ свою борьбу весь цвѣтъ, весь пылъ
Нетронутыхъ надеждъ и силъ, —
Все отдалъ родинѣ своей
Еще вначалѣ юныхъ дней.

Что-жъ родина? — Она молчитъ.
Ужли-жъ онъ матерью забытъ?
Онъ, за нее отдавшій кровь
И радость жизни, и любовь?
Ужли-жъ тамъ, въ странѣ родной
Нѣтъ никого — души одной,
Чье сердце сжалось бы объ немъ
И братскимъ вспыхнуло огнемъ?...

Ф. Волховскій.

ДУДА.

Собирайтесь-ка, ребята, поскорѣй,
Грянемъ пѣсню мы крестьянскую дружнѣй;
Полно намъ подъ дудку барскую плясать,
Не пора-ли на своей дудѣ сыграть?!
Сколько времени на нашу на бѣду
Господа да кулаки дудятъ въ дуду,
А начальство, знай, подхлестывать кнутомъ,
Чтобъ рѣзвѣй мужикъ выкидывалъ козломъ!
Семенитъ онъ, до истомы семенитъ,
Изъ кармана грошъ послѣдній, знай, летитъ,—
Чиновье да кулаки берутъ гроши:
Очень-де крестьянски деньги хороши!
Тутъ и попъ, гляди, акаѳисты поетъ,
А руками тѣ-же денежки гребетъ!
Ахъ ты подлый, долгогривый сатана,
Вѣдь и такъ, поди, давно мошна полна!
До какихъ-же поръ намъ, братцы, все плясать?!
Нѣтъ, давайте на своей дудѣ играть:
Пусть теперь попляшетъ это воронье,
Растрясетъ маленько черево свое!

Ф. Волховскій.

НА ВОЛГѢ.

Я надъ Волгой сидѣлъ,
Я на волны глядѣлъ,
Какъ катились они чередомъ ..
Вдругъ почудилось мнѣ,
Что въ рѣчной глубинѣ
Раздалось: «Гей, ребята, пойдемъ!

«На бояръ, на поповъ
«Да на сытыхъ купцовъ
«За народъ православный честной!
«Себѣ землю возьмемъ,
«Себѣ волю найдемъ,
«Постоимъ другъ за друга горой»...

И опять тишина...
Вдругъ я вижу: со дна
Всплылъ на Волгу-рѣку рѣзвый стругъ,
А на томъ на стружкѣ
Сидятъ хлопцы въ кружкѣ,
На носу атаманъ, вѣрный другъ...

Онъ стоитъ недвижимъ,
Кушакомъ дорогимъ
Опоясалъ онъ станъ молодой:
То — народный борецъ,
То — за правду борецъ,
Стенька Разинъ, казакъ удалой!

Онъ очами сверкнулъ,
Онъ кудрями тряхнулъ
И вскричалъ, размахнувъ топоромъ:
«Двѣсти лѣтъ ужъ прошло,
«Какъ всѣхъ насъ извело
«Племя баръ за одно съ ихъ царемъ,

«Но въ слѣдъ намъ, вижу я,
«Идетъ много, друзья,
«Разудалыхъ лихихъ молодцовъ,
«Что побьютъ баръ-вельможъ
«Да поповъ, всѣхъ святошъ,
«Пошлютъ къ чорту царя и купцовъ!

«Пролилась наша кровь
«За большую любовь, —
«Что народъ мы ужъ больно любили...
«Царь, бояре-князья
«И купцы-холопья
«Насъ за то молодцовъ загубили...

«Но не долго имъ жить,
«Изъ народа кровь пить:
«Месть народа падетъ на нихъ скоро...»
И изъ глазъ тутъ моихъ
Улетѣлъ стружекъ въ мигъ
Внизъ по Волгѣ, по царству простора

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ

ФЕДОРУШКА.

„Барыня-сударыня, матушка Федорушка,
Что сидишь невесела,
Голову повѣсила?“

— Охъ, отстань, родименькій; отвяжись, невпоруш-
Безъ тебя тошнехонько, [ка;
Безъ тебя больнехонько,
Не мѣшай мнѣ морщиться,
Не мѣшай мнѣ корчиться! —

„Не пригоже, матушка; не идетъ, сударушка;
Ты вѣдь дама важная,
Барыня вальяжная!“

— Охъ, была, родименькій, охъ, слыла, невпоруш-
Дамою я знатною, [ка,
Оченно пріятною,
Сытою, богатою,
Къ людямъ тароватою! —

„Знамо дѣло, матушка, вѣдомо, Федорушка;
Златомъ, серебромъ, поди,
У тебя хоть прудъ пруди.“

— Было все, родименькій; было все, невпорушка.
Нынѣ же съ натяжками
Я живу бумажками
Пестрыми, красивыми,
Заурядъ фальшивыми. —

„Какъ же такъ, сударыня? какъ же такъ Федо-
Гдѣ-жъ твои рублевики, [рушка?
Звонкіе цѣлковики?“

— Вышли всѣ, родименькій, вышли всѣ, невпоруш-
На бумаги новыя, [ка,
Въ кабаки дешевые,
Нѣмцамъ за границею,
Дома — на полицію. —

„Поищи, сударыня; поищи, Федорушка;
Ты, хоть не опаслива,
Встарь была запаслива.“

— Не найти, родименькій, не сыскать, невпорушка,
Въ небѣ ясна сокола;
Обнищала до гола;
Пропилась, прокралася,
Вся изворовалася! —

„Дѣло дрянь, сударыня; дѣло дрянь, Федорушка.
Что объ насъ повѣдаютъ,
Коль сосѣди свѣдаютъ?“

— Свѣдали, родименькій, свѣдали, невпорушка;
Плачутъ всѣ отъ радости,
Дѣлаютъ мнѣ гадости;

Плюютъ, да ругаются,
Вздуть меня сбираются. —

„Ты сама бы, матушка, ты-бъ сама, Федорушка,
Помянувъ родителей,
Въ морду бы хулителей!“

— Не молчу, родименькій; не молчу, невпорушка;
Я и обижаюся;
Плюютъ — утираюся,
И прошу прощенія
За свое смиреніе. —

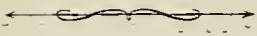
„Дрянь ты стала, матушка; дрянь совсѣмъ, Федорушка.
Надобы, красавица,
Намъ съ тобой поправиться.“

— Поправляюсь, родненькій; дѣйствую, невпорушка:
Отдаю юстицію
Подъ надзоръ въ полицію;
Обрываю армію,
Завожу жандармію! —

„На кого же, матушка, на кого-жъ, Федорушка
Рать тебѣ татарская,
Силища жандармская?“

— На себя, родименькій, на себя, невпорушка,
Чтобы я приникнула,
Чтобы я не пикнула,
Чтобъ не ныла жалобой,
Чтобъ ура кричала бы! —

А. Толстой.



ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РѢЧЬ

ПРОКУРОРА ЖЕЛЕХОВСКАГО

По Дѣлу 193-хъ (1877-78 гг.*)

Я скажу вамъ предварительно,
Что защитники губительно
На преступниковъ воздѣйствуютъ,
Преступленьямъ ихъ содѣйствуютъ;
Раздуваютъ страсти бурныя
И внушаютъ имъ мишурныя
Пожеланья конституціи, —
Просто сѣютъ революцію!
Обратили засѣданія
Въ парламентскія собранія!
Что мы видимъ? — Агитацію,
Дерзость, буйство, протестацію;

---

*) Это стихотвореніе написано въ 1877 году, во время процесса, однимъ изъ подсудимыхъ. Слышавшіе рѣчь Желеховскаго говорятъ, что оно, хотя и въ каррикатурной формѣ, но съ поразительнымъ сходствомъ передаетъ не только смыслъ подлинной рѣчи прокурора, но даже его слогъ.

Судъ поносятъ подсудимые!
И отсюда выводимые
Чуть не поднимаютъ крикъ:
«Vive la République!»
Въ этомъ лишь одни виновны
Адвокаты поголовно!
Въ ихъ вполнѣ непозволительномъ,
Поведеніи отвратительномъ
Представитель обвиненія
Не находитъ уваженія:
То со злобой, худо скрытою,
То съ насмѣшкой ядовитою,
Попирая всѣ приличія,
Въ грязь топча суда величіе,
Отвѣчаютъ обвинителю,
Мнѣ — закона охранителю! —
Обративъ суда вниманіе
На такое поруганіе
Обвиненья и суда,
Приступаю, господа, —
Относясь къ суду почтительно, —
Прямо къ рѣчи обвинительной.

(указывая на скамью подсудимыхъ)

Вотъ мы видимъ представателей,
Государства разрушителей!
Сбродъ ворышекъ и грабителей,
Огорчающихъ родителей;
Бросивъ въ школахъ обученіе,
Всѣ они безъ исключенія,
Зарядивъ себя идеями,
Порожденными злодѣями,
Съ крикомъ: «въ бой, друзья, съ рутиною!»
Русь, какъ сѣтью паутиною,

Разорвавъ съ семьею, съ обществомъ,
Всю опутали сообществомъ;
Занимаясь агитаціей,
Прибѣгали къ конспираціи:
Мѣстожительство скрывали,
Кличекъ членамъ надавали —
Такъ, Надежду звали Надькой,
Катерину звали Катькой,
Васькой назвали Василія!
Но напрасны ихъ усилія...
Правда, лишь по ихней милости
И по ихъ же крайней лживости,
Правды, истины скрывательства,
У меня нѣтъ доказательства,
Что сообщество реальное,
А не только идеальное,
По Имперіи разлилося,
На скамьяхъ здѣсь очутилося.
Но извѣстно, господа,
Представителя суда
Очень чутокъ нюхъ собачій,
Несомнѣннѣе тѣмъ паче
Чуткость сердца прокурора;
Это — истина внѣ спора.
Я на этомъ основаньи
Говорю безъ колебанья,
Какъ мнѣ сердце говоритъ,
Какъ оно сказать велитъ,
Что путемъ тѣснѣйшихъ узъ
Связанъ подлый ихъ союзъ!
Раздувая страсти дикія,
Отрицая бракъ, религію,
Власть, имущество, монархію,
Проповѣдуя анархію,
Воровски прикрывшись маскою,
Подъ одеждою крестьянскою,

Ложь, обманъ пуская въ ходъ,
Пробрались они въ народъ.
Я не знаю, чтобъ случилося,
Сколько крови бы пролилося,
Если бъ мужики къ начальникамъ —
Къ становымъ своимъ, къ исправникамъ
И къ ближайшей властной братіи —
Не питали бы симпатіи!
Но спокойно выжидающій,
Слово власти уважающій
Не безъ добраго послѣдствія
Перенесъ народъ всѣ бѣдствія.
И, Христу благодаренье,
Въ мужикѣ для насъ спасенье!
Такъ, служа Руси основою,
Дорожа свободой новою,
Безъ обычной своей лѣности,
Полнъ сыновней откровенности,
Вѣры въ власть и упованія,
О мятежныхъ злодѣяніяхъ
Представлялъ онъ донесенія
Въ волостныя управленія.

(съ восторгомъ)

Вотъ высоко-благородная,
Вотъ черта вполнѣ народная!
И въ виду такого качества
Революція — ребячество.
Я прибавлю положительно,
Еслибъ судъ да исключительно
Довѣрялъ вполнѣ свидѣтелю,
Лишь съ такою добродѣтелью —
Вообще и нынѣ въ частности, —
Русь была бы внѣ опасности.

(съ грустью)

Жаль, такіе всѣ свидѣтели
Крестъ несутъ за добродѣтели!
Какъ помыслю, какъ стараются
Ихъ унизить!...
Люди злые, непокорные
Клеветой грязнятъ ихъ черною
И, ругаясь надъ законами,
Именуютъ ихъ шпіонами!

(убѣдительно)

Не шпіоны-съ — доносители,
Государства охранители!

(махнувъ рукою)

Впрочемъ, всѣ ихъ ухищренья,
Всѣ ихъ злобныя ученья,
Всѣ дѣла сихъ развратителей
Не опасны для правителей.
И не стоило-бъ вниманья
Обращать на ихъ дѣянья.
Но они законъ попрали,
Даже судъ вашъ оплевали,
Наущенные коварною
И къ властямъ неблагодраною
Адвокатскою оравою, —
Этой гидрой многоглавою.
Вы терпѣли слишкомъ долго,
Посему, во имя долга,
За закона поруганье
Я взываю къ мщенью, къ мщенью,
Сообразно Уложенью!

А за порчу добрыхъ нравовъ
Ихъ, по божескому праву,
Въ адъ кромѣшный упекутъ

(грозясь)

Тамъ возмездіе найдутъ,
Въ этомъ Третьемъ Отдѣленьи
Мірового Управленья

(разгорячаясь)

Люциферъ съ своей командой
Разочтется съ этой бандой:
Жилы вытянетъ изъ нихъ,
Кожу съ нихъ сдеретъ, съ живыхъ,
Будетъ драть ихъ оголенныхъ,
Да на плитахъ раскаленныхъ,
Среди смрадной духоты,
Будетъ ихъ варить и жарить,
И изъ сѣрной кислоты,
Будетъ имъ клистиры ставить.
И, клянусь, я самъ не прочь
Люциферу въ томъ помочь!...

ТАЙНОЕ СОБРАНІЕ.

Ужъ какъ въ Третьемъ Отдѣленьи,
По цареву повеленью,

Храбрый Дрентельнъ-генералъ
Всѣхъ жандармовъ собиралъ.

Чтобъ царю служили смѣло,
Наливалъ по рюмкѣ цѣлой,

По полтиннику дарилъ.
«Эй ребята! говорилъ,

«Подозрительныя лица
«Появилися въ столицѣ,

«И бунтуютъ, и мутятъ,
«И царя убить хотятъ!

«Ужъ вы, синіе мундиры!
«Обыщите всѣ квартиры,

«Мной на то дана вамъ власть —
«Знай, тащи, ребята, въ часть!

«Если гдѣ сопротивленье —
«Въ зубы бей безъ разсужденья,

«Самъ, молъ, Дрентельнъ-генералъ
Отвѣчаетъ за скандалъ!»

Но, исполнены печали,
Голубые отвѣчали:

— „Ахъ, отецъ ты нашъ родной,
Предводитель удалой!

Показали бы примѣрно,
Какъ тебѣ мы служимъ вѣрно,

Да сумнительно, вишь, тутъ —
Сохрани господь — убьютъ!„

На такое заявленье
Молвилъ Дрентельнъ безъ смущенья:

«Стой, ребята, не страшись!
«Вотъ перцовка — подкрѣпись!

«Дамъ на каждаго двѣ роты
«Государевой пѣхоты,

«Казаковъ прибавлю взводъ —
«Знай, подталкивай впередъ!...

«Всѣмъ отрядомъ, душъ хоть триста,
«Двиньтесь вы на нигилиста,

«Навалитесь на него —
«И не пикнетъ ничего!»

Тутъ жандармы ободрились,
Усмѣхнулись, поклонились,

И отвѣтилъ бодро всякъ:
— „Ладно будетъ, коли такъ!

Ужъ послужимъ мы престолу,
Уничтожимъ мы крамолу,

И всѣмъ недругамъ твоимъ
Въ кровь мы зубы раздробимъ!“

И пошли у насъ въ столицѣ
Рыскать синихъ вереницы;

Хочетъ доблестная рать
Цѣлый Питеръ обыскать!

Н. Морозовъ.

ГОЛУБИ.

Голуби по двору ходятъ, воркуютъ
Сизой артелью своей;
Все подозрительно какъ-то толкуютъ,
Быстро летятъ отъ людей...
Часто гурьбою громадной слетаются
Мирно ко мнѣ подъ окно,
Цѣлой коммуной дружно питаются,
Дѣлятъ по-братски зерно...
Видно вліяніе идей растлевающихъ
Въ мирной семьѣ голубей!
Принципъ замѣтенъ идей развращающихъ,
Соціализма идей!
Здѣсь анархизма примѣръ замѣчается,
Страшный примѣръ для людей.
Браки свободны, никто не вѣнчается,
Нѣтъ ни поповъ, ни церквей!
Гдѣ же жандармъ, отъ зла охраняющій?!
Мудрой полиціи глазъ?!
Гдѣ у нихъ кормчій, путь направляющій?
Гдѣ же порядка компасъ?
Голуби сизые, пташечки бѣдныя,
Развращены-жъ вы совсѣмъ!
Кѣмъ же идеи то эти зловредныя
Къ вамъ прививаются, кѣмъ?!
Скажутъ природой?... Для благъ человѣчества
Выскажу мнѣнье свое:
Если природа опасна отечеству, —
Выслать подальше ее!!...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Новая пѣсня. Л. 3
Послѣднее прости. 6
Въ память іюньскихъ дней 48-го года. . . . 8
Апостолъ. 10
Искандеру. ОГАРЕВА. 12
Новая тюрьма. 14
На смерть И. М. Ковальскаго. 17
Тюремныя видѣнія. Н. МОРОЗОВА. 18
Памяти 1873—5 гг. Н. МОРОЗОВА 26
Проклятье! Пиши стихи въ тюрьмѣ. . Н. МОР. 27
Некуда дѣться отъ злобы и боли. . . Н. МОР. 28
Подсудимымъ процесса 50.*) НЕКРАСОВА. . 29
М. Л. Михайлову. 30
Студентамъ. М. Л. МИХАЙЛОВА. 31
Къ арестанту. 32
Къ судьямъ. **) 34

---

*) Стихотвореніе это по ошибкѣ напечатано вторично на страницѣ 63.

**) Это стихотвореніе въ текстѣ ошибочно подписано именемъ Бардиной; оно написано однимъ изъ защитниковъ въ процессѣ 50-ти и посвящено Бардиной.

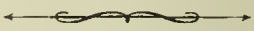
Славься свобода и честный нашъ трудъ! . 35
На смерть Мезенцева. ОЛЬХИНА. 36
Пѣсня о рубашкѣ. Изъ Т ГУДЪ. 41
Два стана. 44
Не пора ли отдохнуть, о братья! Я. . . . 46
О, подлое, чудовищное время! Я. 47
Матери. Я. 48
Матери. П. ЯКУБОВИЧА. 49
Рубильщикамъ. П. ЯКУБОВИЧА. 50
Послѣ казни 4-го ноября. 51
Гражданинъ. РЫЛѢЕВА. 52
Кинжалъ. ПУШКИНА. 53
Въ Сибирь. ПУШКИНА. 55
Отвѣтъ на посланіе Пушкина. 56
Благодарность предшественникамъ. Д. М. П. 57
Борецъ за свободу. Д. М. ПОЗНЯКОВА. . . 59
Порогъ. И. С. ТУРГЕНЕВА. 61
Новогодняя пѣсня. Ф. ВОЛХОВСКАГО. . . 64
Ткачи. Изъ ГЕЙНЕ. 66
Поэтъ. Изъ Ж. РИШПЕНА. 68
«Вольный рабочій». В. Ж. 70
Три дороги. В. Ж. 71
Нечего ждать. 72
Революція. И. ОРЛОВА.*) 73
«Мальчишка». И. ОРЛОВА. 74

---

*) Это стихотвореніе, какъ и другія, взятыя нами изъ сборника «Изъ-за-рѣшетки», въ текстѣ подписано тѣмъ псевдонимомъ, подъ какимъ оно появилось въ первомъ изданіи. Позже мы узнали настоящія имена нѣкоторыхъ изъ авторовъ этого сборника и такъ какъ въ настоящее время нѣтъ никакой надобности скрывать ихъ, то мы пользуемся случаемъ, чтобы сообщить ихъ здѣсь.

Кричи! Ф. ВОЛХОВСКАГО. 75
Не то обидно мнѣ... Ф. ВОЛХОВСКАГО. . 76
Тамъ и здѣсь. Ф. ВОЛХОВСКАГО. 77
Въ народѣ. М. МУРАВСКАГО. 78
Петру Алексѣеву. ВЕРБОВЧАНИНА. . . 79
Завѣщаніе. ВЕРБОВЧАНИНА. 82
Ольгѣ Любатовичъ. Е. Н. 84
Закрылись тяжелыя двери тюрьмы... . . . 85
Памяти П. Трутковскаго. 86
Кто сердца въ груди не имѣетъ. С—нъ. . 87
Въ часъ, когда живой волною... 88
Призывъ. 89
Іегова. 90
Султанъ Мурадъ. Х. Д. 91
Онъ. 93
Дубинушка. 94
Плясовая. . . . , ... 96
Впередъ! Л. 97
Рожденіе Мессіи. Л. 101
Н. П. Огареву. Л. 104
Пѣсня ненависти. Л. 106
Пѣсня юности. Л. 108
14-е Іюня 1898 года. Ф. ВОЛХОВСКАГО. . 110
Въ отдаленномъ краю... Б. Н. ГЕЙМАНА. 112
2-ое (14) Іюля 1889 года. Б. Н. ГЕЙМАНА. 113
Митѣ. Б. Н. ГЕЙМАНА. 115
Новоселье. О. 117
Не рыдай такъ безумно. О. 119
Узникъ. Ф. ВОЛХОВСКАГО. 121
Дуда. Ф. ВОЛХОВСКАГО. 122
На Волгѣ. 123
Федорушка. А. ТОЛСТОГО. 127

Обвинительная рѣчь прокурора Желеховскаго. 130
Тайное собраніе. Н. МОРОЗОВА. 136
Голуби. 139



ИЗДАНІЯ КРУЖКА:

1. „Введеніе къ критикѣ философіи права Гегеля“ К. Маркса съ предисловіемъ П. Л. Лаврова.
2. „Процессъ 21-го“ съ біографической замѣткой о Г. А. Лопатинѣ.
3. „Экономическія ученія Маркса въ популярномъ изложеніи“. К. Каутскаго.
4. „Русская развитая женщина“. П. Л. Лаврова.
5. „Послѣдовательныя поколѣнія“. П. Л. Лаврова.
6. „Чего хотятъ соціалисты?“ Петрова.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Novyi sbornik revoliutsionnykh
891.71308 N945
D90352209U